

ДРАКОНЫ НОЧИ

по следам
громких дел

ТАТЬЯНА СТЕПАНОВА

Детектив-триллер

Татьяна Степанова

Драконы ночи

«ЭКСМО»

2008

Степанова Т. Ю.

Драконы ночи / Т. Ю. Степанова — «Эксмо», 2008 — (Детектив-триллер)

ISBN 978-5-699-30036-5

Сон... Явь... Во сне ли... наяву... Маруся Петровна видела ЭТО шестьдесят лет назад и потом помнила всю жизнь. Все, кому она пыталась рассказать то, чему она, восьмилетняя девочка, стала свидетелем в ночь убийства знаменитого иллюзиониста, гипнотизера Симона Валенти и его ассистентки Аси Мордашовой, гастролировавших в их городе, не верили ей. Нездоровые фантазии ребенка – так говорили тогда, бред сумасшедшей старухи – так говорят теперь. Жуткая была история. А за несколько месяцев до этого двойного убийства пропали дети Мордашовой, мальчик и девочка. И вот спустя столько лет кошмар, похоже, возвращается. Что здесь делает внучатый племянник Симона Валенти? Зачем поселился в глухом провинциальном Двуреченске? Что ищет? И снова, как тогда, пропал мальчик Миша Уткин, а Дашенька, внучка ее, Маруси Петровны, получила страшный рисунок, предвещающий смерть...

ISBN 978-5-699-30036-5

© Степанова Т. Ю., 2008

© Эксмо, 2008

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	25
Глава 6	29
Глава 7	31
Глава 8	34
Глава 9	39
Глава 10	42
Глава 11	46
Глава 12	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Татьяна Степанова

ДРАКОНЫ НОЧИ

В мире полно людей, «неспособных на что-то хорошее». Я лично с такими сталкивался, можете мне поверить.

Стивен Кинг

Глава 1

ДРАКОНЫ НОЧИ

1 мая 1948 года

Время лечит все, но только не страх. Возраст ничего не меняет. Мы становимся старше, но прожитые годы лишь отдаляют нас от начала начал, не стирая из памяти того, что однажды испугало в детстве – ночью, при свете луны. От чего днем по прошествии лет вроде бы не осталось и следа. Только бурое пятно на выцветших пожелтевших обоях.

Обои в комнате действительно были пожелтевшие и все в пятнах. Там, где стоял письменный стол отца, это были брызги чернил. Отец погиб на фронте. Маруся Карасева помнила его смутно. В том месте, где стояла кровать матери, обои пестрели жирными засалинами – от пропотевших подушек. Круглое пятно в центре стены было следом брUNETистой головы Кагулова. Когда он приходил к матери и оставался ночевать, то снимал португую с кобурой и начищенные до блеска сапоги, снимал офицерский китель с новенькими майорскими погонами и, оставшись в одних галифе, садился на кровать, откидывался к стене, брал отцовскую гитару и...

«Ямщик, не гони лошадей, мне некуда больше спешить...»

Голос у Кагулова был приятный, с хрипотцой. И сам он был вальяжный, неспешный. В городе Двуреченске, где жила Маруся с матерью, он был заметной фигурой. Его боялись, как и всех тех, кто был «из органов». А их в Двуреченске было немало, благо весной и летом на берегу реки разворачивались летние учебные лагеря МГБ для офицерского состава. Марусе Карасевой исполнилось восемь лет. Она многого еще не понимала в этой сложной штуке под названием «жизнь взрослых», но кое-что уже секла. Например, то, как меняется голос матери, когда у них гостит Кагулов. Если он оставался на ночь, то мускулистым плечом играючи выдвигал старый шифоньер, ставя его поперек комнаты и отгораживая закуток у окна, где был старый бабушкин сундук, на который клали матрас и стелили постель для Маруси. Шифоньер играл роль ширмы, заслонявшей кровать, потому что комната была только одна. До войны при отце их было две – светлые просторные комнаты на первом этаже бывшего купеческого дома на улице Ворошилова. Но сейчас за стеной в соседней комнате жила сестра матери с детьми и мужем, пришедшим с войны без ноги. Они, как и Маруся с матерью, вернулись в Двуреченск из эвакуации, а дом их сгорел при немцах, когда те еще были в городе. А на втором этаже жили Строгачевы и Маслаченки – горластый, многодетный семейный табор.

Там, наверху, у них пел патефон. Там отмечали 1 Мая – шумно, весело, с танцами.

«На столе бутылки, рюмочки, эй, хозяйюшка, вина налей»

– голос Петра Лещенко с трофейной пластинки.

Маруся Карасева сидела на сундуке в своем закутке у окна. Шифоньер перегораживал комнату. Мать ушла праздновать вместе с Кагуловым к каким-то его знакомым офицерам, снимавшим квартиру на площади у горсовета. Мать была очень нарядной, долго вертелась перед зеркалом. Надела зеленое со вставкой «американское» платье, полученное по ордеру. Она работала начальником секретариата суда и порой получала по ордеру что-то из носильных вещей, присланных по ленд-лизу. А ярко-красную губную помаду, как и чулки, подарил ей майор Кагулов.

«В парке Чаир распускаются розы...»

От сладкого тенорка, распевавшего про какой-то неведомый «парк Чаир», у Маруси зашипало в носу. День 1 Мая, который она ждала с жаром и нетерпением, начался неплохо. Рано утром всех собрали в школе. За неделю до праздника по школе гуляли слухи, что на городскую демонстрацию к горсовету пойдут только старшеклассники. Но потом оказалось, что третий, четвертый и пятый классы тоже идут. Во дворе школы появился огромный портрет Сталина, который должны были торжественно нести учителя во главе с завучем. Тут же разворачивали красные транспаранты, суетились пионервожатые. Марусе из всего этого первомайского великолепия досталась гвоздика из мятой крашеной бумаги. Зато в школьной колонне она вместе с классом оказалась как раз под портретом вождя. Сталин плыл над Марусей, и она то и дело задирала голову, чтобы встретиться с ним взглядом. Совсем, совсем не смотрела под ноги. Городской оркестр играл марши, и это были марши Первомая и Победы. Площадь Двуреченска была запружена народом. В толпе мелькало много офицеров в новенькой щегольской форме.

«Гражданочка, а давайте рискнем, затеряемся в толпе» – это вкрадчиво шепнул широкоплечий бритый капитан блондинке с шестимесячной завивкой. Тихонько шепнул, но чуткая Маруся Карасева услышала. Блондинка отшатнулась от капитана, как от зачумленного. Звали блондинку Ася Мордашова. В Двуреченск она приехала вместе с цирком. Маруся уже дважды успела побывать в цирке – один раз с классом, а другой вместе с матерью и Кагуловым, который и повел их смотреть новую программу. Ждали клоуна Карандаша. Но вместо него на гастроли в Двуреченск приехал знаменитый на всю страну фокусник и гипнотизер Симон Валенти. Ася Мордашова работала у него в номере ассистенткой. На весь период гастролей горсовет предоставил артисту Валенти жилплощадь. Он поселился вместе с Асей Мордашовой, своей гражданской женой и ее двумя детьми в доме на улице Ворошилова как раз напротив дома Карасевых.

Правда, увидев их на арене, Маруся сначала ни его, ни ее не узнала. Даже представить себе не могла, что этот вот лохотный тип во фраке, смахивающий на буржуа из заграничного фильма, и его помощница в восточном тюрбане, в алых шелковых шальварах с голым животом, похожая на сказочную шамаханскую царицу, и есть ТЕ САМЫЕ соседи из дома напротив. Сын Мордашовой Марат стал учиться в их школе, в параллельном «мужском» классе. Марат и его сестра по имени Май были настоящими «цирковыми детьми», а потому возбуждали среди местной детворы всеобщее жгучее любопытство. Маруся, кстати сказать, знала об их домашней не цирковой жизни побольше других. А как было не знать – жили ведь почти рядом.

Если взглянуть из окна, дом их был отлично виден – во-о-он этот дом. Тоже бывший купеческий особняк. Крыльцо под навесом. Ступеньки. Дверь, обитая дерматином. Цирковые тоже жили на первом этаже. А прежде их квартиру занимала семья инженера Дергунова. Но они все прошлым летом куда-то вдруг делись в одночасье. Как-то на кухне Маруся подслушала разговор соседок. Одна другой говорила, что самого инженера арестовали как врага народа, а семейство его куда-то выслали. Вроде бы «загнали» за какой-то там «Можай». Маруся решила уточнить у матери насчет этого самого «Можая», но, едва заикнулась, получила затрещину. Естественно, заревела в голос – обиженная, недоумевающая. Кагулов, присутствовавший при этой сцене, потрепал ее по голове, угостил мятным леденцом и сказал: «Выбрось это из головы, Маруська, забудь».

Но Маруся не забыла. И не только материнскую оплеуху.

«Когда нас в бой ведет товарищ Сталин...» – зычный пьяный припев под аккордеон вырвался на волю из открытого настежь окна. В майских вечерних сумерках клавишный аккорд завяз в звенящей тишине, как бритва в киселе.

Маруся слезла с сундука и пошла к радиоприемнику, стоявшему на тумбочке в углу. Что ж, день 1 Мая начался неплохо. Она ходила на демонстрацию и даже шла под портретом самого Вождя. Но потом везение кончилось. Вечером ее оставили дома одну. Мать, собираясь в гости на офицерскую вечеринку, сказала: «Не скучай и не балуйся, в десять чтоб была уже в кровати». И заперла ее в комнате на ключ.

Радиоприемник представлял собой черный фанерный ящик с окошком, в котором видна была белая лента. На ней были проставлены цифры, и они прокручивались, а поперек была натянута допотопная проволока. Порой приемник капризничал – сипел и хрипел, но сегодня вечером Первомай вдруг выдал Марусе, запертой в одиночестве, то, что передавала Москва. Шла трансляция из Колонного зала. Артист Качалов читал «Сон в летнюю ночь», а симфонический оркестр исполнял музыку Мендельсона. Первые такты увертюры наполнили комнату, поглотив собой разом все: и законную тишь, и «парк Чаир», и даже «Выпьем за Родину, выпьем за Сталина», что гремело хором под трофейный аккордеон в хмельном угаре застолья.

Маруся, околдованная музыкой, застыла перед радиоприемником.

«Представьте, будто вы заснули и перед вами сны мелькнули...» Никогда прежде маленькая Маруся не слышала ни про знаменитого артиста Качалова, ни про шекспировский «Сон в летнюю ночь», но этот бархатный голос, этот голос из далекой Москвы, вплетенный в волшебную музыку...

Марусе померещилось, что таким голосом с ней может разговаривать сам Сталин, ну, тот, что на школьном портрете.

Наш срок ведь все короче,
Быстрее летят драконы черной ночи,
Взошла звезда Авроры в небесах...

А это какие еще такие драконы? Ведь никаких драконов не бывает на свете. И чертей тоже не бывает. Это все сказки и чушь – черти, покойники, ведьмы, драконы. Пионерам не то что верить, говорить-то о них стыдно-позорно. А она, Маруся, очень скоро станет пионеркой.

Грохот и лязг полночного трамвая.

Маруся невольно вздрогнула. Поежилась. Из окна дует, закрыть его, что ли?

«Бродяга к Байкалу подходит, рыбацкую лодку берет», – пьяные на улице надсаживают глотку нестройно, вразнобой.

А из радиоприемника – «Взошла звезда Авроры в небесах...».

Маруся облокотилась на подоконник, пригорюнилась. Ночь опустилась на город. Над старыми крышами в облаках плыла луна. Она заглядывала в комнату. Музыка в стареньком приемнике набирала силу. В ней отчетливо зазвучали тревожные ноты. Как будто кто-то пробирался через дремучий лес. Крался по следу, все время держась в тени, в чаще, избегая полян и открытых прогалин. Как будто кто-то хотел остаться до поры до времени незамеченным, слившись в единое с тьмой, скрывшись от всевидящей майской луны.

«Летят, летят драконы темной ночи...»

Возле дома, где жили ЦИРКОВЫЕ, торчал покосившийся тусклый фонарь. У его основания расплылось пятно света, похожее на протухший желток.

Маруся вдруг отчетливо вспомнила этих самых цирковых – нет, не самого Валенти и его ассистентку, а ее сына Марата, своего ровесника, и его пятилетнюю сестренку по имени Май. Ее звали Май, потому что она родилась 1 мая, и сегодня как раз должен был быть ее день рождения. И они бы с Маратом праздновали его, быть может, даже пригласили бы и ее, Марусю, если бы не...

Дети Май и Марат пропали в декабре. Маруся помнила, как однажды, во время урока в школе, в класс пришел милиционер, вызвал учительницу. И потом на перемене в коридоре тоже была милиция, и учителя были все какие-то странные, точно в воду опущенные. И к дому Мордашовых тоже приезжали милиционеры и следователь. Долго беседовали с артистом Валенти и Мордашовой. А соседки на кухне лишь об этом и говорили. И весь город об этом только и говорил. Были организованы поиски детей. Собирали даже партактив и комсомольцев, привлекали рабочих с завода, военных, пожарных, артистов цирка, чтобы все приняли участие в проческе окрестностей. Искали целых две недели – в городе, в лесу, в реке. Однако безрезультатно.

Говорили, что дети, скорее всего, пошли на реку кататься на льду и, возможно, провалились в незамерзшую полынью. Кагулов, как и все его сослуживцы, принимавший участие в поисках, приезжал грязный, усталый. Потом он сказал, что надежды найти детей живыми больше нет.

Маруся хотела спросить его: раз Май и Марат исчезли так же необъяснимо и внезапно, как и семья инженера, то, может быть, их тоже загнали за этот самый непонятный «Можай». Но она не спросила тогда ничего. Ей было жаль цирковых. В номере Валенти они не участвовали, но в цирке Маруся их видела. Май – хорошенькая, как куколка, кудрявая, в розовом платье, восседала в первом ряду, болтала ногами в детских гамашах. Марат стоял в проходе. Как и его отчим Валенти, он был весь из себя заграничный – подтянут, причесан на косой пробор, прилизан по-взрослому волосок к волоску. Дома же на улице Ворошилова он отчаянно гонял на велосипеде. А по вечерам, когда не было представлений, сидел на подоконнике и терзал немецкую губную гармошку, наигрывая вот эту мелодию...

Нет, конечно же, не эту, а совсем другую. Эта льется из радиоприемника. А бархатный голос артиста Качалова в унисон ей декламирует:

Взошла звезда Авроры в небесах,
Ее завидя, духи впопыхах
Спешат домой скорее на кладбище...

Маруся укоризненно покачала головой: ну вот, конечно же, это глупая сказка для совсем уж несмышленишей отсталых – кладбище, духи, мертвецы. А между тем любой школьник Страны Советов знает, что ничего этого на свете не бывает. Нет, кладбище-то, конечно, имеется, но оно далеко, на самой окраине города. А всего остального, этого самого потустороннего, нет, есть лишь реальное и настоящее – например, челюскинцы или же танк «Т-34».

В конце улицы засветились фары машины. Ближе, ближе... Скользнули по комнате, отразились в зеркале. Бежевая цирковая «эмка» подъехала к дому напротив. Из нее вышли Валенти и Мордашова. «Значит, представление в цирке уже закончилось», – отметила Маруся. Она помнила, как сокрушались соседки: «Надо же, какая доля у них, цирковых, жестокая. У них дети пропали, горе такое, беда, а им обоим на манеж выходить. А что сделаешь, билеты проданы, публика ждет. Но все же как-то не по-людски это. Хоть бы отпуск какой им там, в цирке, обоим дали, бог с ними и с билетами-то, с представлением».

Маруся наблюдала из окна, как Валенти отпустил машину, поднялся на крыльцо, начал открывать замок. Конечно, тут, на улице Ворошилова, он не такой шикарный, как на арене, без фрака, без крахмальной манишки. Но костюм на нем отличный – синий в полоску. И шляпа такая, какой ни у кого в городе не сыщешь. Сколько ему лет, интересно, старый он уже, наверное. Ася же Мордашова вообще красавица. Правда, взгляд у нее какой-то неприятный. И ведет она себя после пропажи детей странно. Как она сегодня на демонстрации на того капитана-то глянула, точно он не человек, а змея ядовитая.

Мордашова стояла у крыльца и смотрела в темноту.

– Симон, – окликнула она Валенти.

– Заходи, – он открыл дверь.

– Симон... Подойди ко мне скорее, вон там...

– Дорогая, там никого нет, – тон у Валенти был властный. – Ступай домой.

Маруся видела, как Мордашова медленно поднимается по ступенькам, то и дело оглядываясь через плечо. Дверь, обитая дерматином, захлопнулась. Звякнул засов.

А в двери Марусиной комнаты заскрипел ключ. Мать вошла, бросила сумочку на постель. По виду – чем-то сильно раздосадованная и совсем не веселая. Точно и не из гостей вернулась. И ко всему еще одна, без Кагулова.

– Чегой-то у тебя радио орет на всю ивановскую? – она кивнула на радиоприемник. – И почему ты до сих пор не спишь?

– Из Москвы передают, интересно очень. – Маруся решила не лезть на рожон.

Мать прислушалась, вздохнула под голос артиста Качалова, под музыку Мендельсона – тяжело так, по-бабы. Потом выключила приемник, подошла к Марусе, потрепала ее по голове. Маруся ощутила запах вина. Мать глянула на шифоньер посреди комнаты, уперлась в него обеими руками и начала с усилием возвращать на обычное место – к стене. Поймав взгляд Маруси, сказала: «Он не придет, его срочно на работу вызвали». И Маруся поняла, что этой ночью они обойдутся без Кагулова.

Мать ушла на кухню вскипятить чайник. Наверху у Маслаченок давно уже выключили патефон и начали укладываться. И тут на темной улице Ворошилова послышался шум мощного мотора. Маруся тут же высунулась посмотреть, кто же на этот раз пожаловал.

На углу возле деревянного дома, похожего на барак, остановилась черная машина. Из нее вышли четверо в военной форме. Среди них удивленная Маруся увидела Кагулова. Как же так, мать сказала, что его вызвали на работу, а он тут как тут. А в деревянном доме, похожем на барак, жила Елизавета Осиповна Бауман. Она преподавала в школе, где училась Маруся, рисование и черчение. Преподавала недавно – всего какой-то год. Елизавета Осиповна была не местная, а приезжая. Вроде как из самого Ленинграда. Еще про нее говорили, что она «сосланная» и вроде бы родственница того самого знаменитого Баумана, героя революции, про которого даже в школе по истории проходят. Но этого Маруся уж совсем никак не могла понять. Раз она родственница героя революции, то за что же ее сослали? Она и об этом пыталась спросить у матери, но та сразу оборвала ее: «Отстань, не твоего ума это дело».

Военные начали громко стучать в дверь. А Кагулов ждал у машины, курил. Огонек сигареты освещал его лицо.

Мать вернулась с чайником.

– Не спишь? Ну что там опять? – Она выглянула, увидела.

Военные как раз выводили Елизавету Осиповну. Та шла в вязаной кофте внакидку, прижимая к груди какой-то узел, явно собранный впопыхах. Кагулов осмотрел ее с ног до головы и распахнул дверь машины.

Мать резко захлопнула окно. Задержала занавеску. Поднесла руку ко лбу, словно у нее вдруг голова закружилась.

– Ма, а что такое драконы ночи? – спросила Маруся.

– Чего?

– Драконы ночи, я по радио слышала.

– Ну, наверное, это такие существа. Злые, очень злые, Маруська... Марш в кровать, первый час.

Маруся опустилась на свой матрасик, постеленный на сундуке. День 1 Мая, который она ждала с таким нетерпением, начался неплохо – демонстрация, портрет Сталина, гвоздика из крашеной бумаги. Музыка – марши, марши, потом этот вот симфонический оркестр по радио. А вот как же он кончился? Или это еще не конец?

Ей что-то снилось. И сон был неприятный. Как будто что-то тяжело легло на грудь и начало давить, давить, грозя раздавить совсем – в лепешку, в плевок. А в уши визгливой нотой вливался, ввинчивался какой-то мотивчик, какая-то назойливая, знакомая мелодия. Маруся пробудилась. У нее затекла и онемела спина – сундук ведь не кровать и не тахта. Она села, хотела взбить подушку. И тут вдруг услышала тот же самый звук наяву – тихий перелив губной гармошки, точно свист, точно чей-то призыв. Он шел снаружи, с улицы. И все это было за задернутой занавеской.

Маруся отодвинула занавеску. Покосившийся фонарь у дома напротив был единственным пятном света, а кругом, куда ни кинь взгляд, было темно. И даже луна...

Ей показалось, что у самой границы светлого пятна движется какой-то темный сгусток. И ползет он к крыльцу дома напротив.

Луна застыла как раз над крышей этого дома. Маруся подумала, что если бы там, на Луне, кто-то из тамошних лунных жителей опустил бы вниз канат, ну как это делают в цирке, и начал спускаться вниз, то приземлился бы точно на скат крыши. А может быть, Аврора, про которую говорили по радио, и есть не что иное, как Луна или же...

Она ощутила резкий укол. Точно что-то вонзилось в нее, как острое жало. Испуганно глянула и увидела... Марата.

Он стоял под фонарем, заложив левую руку за спину, и смотрел на нее. Вид у него был какой-то чудной – волосы слиплись, а его одежда... Он всегда был так аккуратно одет, этот почти заграничный цирковой мальчик Марат, а сейчас на нем было не пойми что – все тоже какое-то слипшееся, то ли мокрое, то ли измазанное чем-то. Маруся хотела окликнуть его, спросить, где же он был, где пропадал так долго, но не смогла произнести ни слова.

Он не сводил с нее взгляда со странным голодным выражением. Ненасытная животная алчность – вот все, что выражало его лицо. И это было так жутко...

А потом его словно позвали из темноты – послышалось злобное хриплое ворчание. К крыльцу дома напротив метнулась тень.

Маруся закричала, не помня себя от страха. Тяжесть – та самая из сна, снова сдавила грудь, и она почувствовала, что не может дышать, что ее горло, ее легкие как будто наполнены песком. Она упала на пол. Мать, разбуженная ее криком, застала ее бьющейся в судорогах на полу. Она схватила ее, приподнимая, тормоша, пытаясь остановить припадок. И тут потрясенно узрела фонарь за окном у дома Валенти – при полном безветрии он бешено раскачивался на кронштейне, точно под натиском бури. А потом затрещали доски. Полетели клочья дерматина и ваты. И ночную тишину улицы Ворошилова разорвал отчаянный вопль боли.

Глава 2

«ЕСТЬ УБИЙСТВО И УБИЙСТВО»

Сентябрь 200... г.

В мире нет ничего более суетного, реального и приземленного, чем железная дорога. И вместе с тем в мире нет ничего более причудливого, фантазмагоричного и иррационального, чем железная дорога. Вокзал, перрон, поезд, купе. Гудок тепловоза. Относительность движения. Что движется, а что стоит? Кто отправляется в путь, а кто остается на месте? Поезд трогается, уплывает перрон, тает в тумане вокзал, распадается на атомы толпа провожающих, а вы сидите себе, смотрите в окно. Вы никуда не едете, и поезд ваш стоит на месте, это все остальные, весь окружающий мир, вся вселенная сдвигаются с насиженного места, отправляясь в путь навстречу неизвестному.

– ...Нет, ну согласитесь, все-таки на железной дороге в последние годы стало гораздо больше порядка.

– Особенно после того, как пустили под откос «Невский экспресс».

– И комфорта, и комфорта стало больше. И дизайн современный. Билеты по Интернету можно заказать.

– А этих подрывников экспресса, кажется, так до сих пор и не нашли. Или уже арестовали?

Подавали реплики от соседнего столика вагона-ресторана. Катя Петровская, по мужу Кравченко, особенно-то и не прислушивалась. Но «Невский экспресс» под откосом» задел-таки ее за живое. Каково, а? И зачем про такие вещи вспоминать, когда вы сами в дороге, когда вы не что иное, как просто незащитные пассажиры, отданные коварному железнодорожному Молоху на съедение.

Поезд был новехоньким серебристым «Северо-Западным экспрессом». И мчалась в нем Катя дождливой сентябрьской ночью мимо лесов, деревень и городов не совсем даже и по своей воле и желанию, а вынужденная к такому путешествию стечением обстоятельств, главным из которых был неожиданный-негаданный звонок от ее закадычной подруги Анфисы Берг.

– Катя, все кончено. Он уехал. Бросил меня. Я, наверное, умру.

Попробуйте услышите такое тишайшим вечером в вашей собственной спальне при свете ночника, подняв трубку телефона в полной уверенности, что это какой-то недотепа перепил и просто ошибся номером. А на том конце голос вашей подруги Анфисы, плачущей навзрыд.

Муж Кати Вадим Андреевич Кравченко, именуемый на домашнем жаргоне «Драгоценным В.А.», нахмурился: «Это кто там еще? Какого, понимаете, хрена надо ночью?»

– Это Анфиса, – шепнула Катя.

– Так она ж отдыхает с этим своим, как там его...

Правильно. Все дело и было в том, что сияющая Анфиса всего неделю назад уехала отдыхать со своим мужем Константином Лесоповаловым. «Мой муж», «мы с мужем» – это она так называла его всегда и везде, видимо, искренне считая его таковым. Увы, в реальности все обстояло по-другому. Константин Лесоповалов официально был мужем чужим и вроде бы подавать на развод не собирался. Катя знала его по работе. Ей, криминальному обозревателю Пресс-центра Московского областного ГУВД, не раз приходилось общаться с начальником отдела милиции капитаном Лесоповаловым. Парень он был бравый, геройский, здоровенный, как шкаф. Спортсмен и штангист, ревностно подражавший великому Арнольду Шварценеггеру. Анфиса втюрилась в него, как признавалась сама, с первого взгляда и любила его без памяти. А он...

Нет, Катя была свидетелем, что Лесоповалов к Анфисе относился очень хорошо. И тоже, кажется, любил, но... У него была и весьма крепкая официальная семья – жена, дочка, старики родители. Влюбленной Анфисе он внушал, что не может бросить семью из-за дочери. В основном из-за дочери, которая еще мала. А старики родители слабы здоровьем, и развод может их убить. А жена его... Ну, они давно уже друг другу посторонние... В общем, год за годом он вешал Анфисе на уши эту всеобщую мужскую лапшу, а она верила. Терпела и прощала. Ждала.

Лесоповалов был для нее светом в окошке. Анфиса страшно комплексовала из-за своего избыточного веса. Она и правда была толстой. Ужасно милой, доброй, отзывчивой, преданной и верной. Но, по современным стандартам, некрасивой – толстой. Когда такой молодец, как капитан Лесоповалов, внезапно стал оказывать ей знаки внимания, а потом и настойчиво ухаживать, она сначала не поверила, растерялась, а затем влюбилась в него так, что Кате даже стало боязно за ее дальнейшую судьбу.

Анфиса была весьма успешным и модным столичным фотографом. Трудилась для глянцевого журналов, выставлялась в продвинутых галереях, продавала свои работы за рубеж. Зарабатывала она в три раза больше, чем начальник отдела милиции. Лесоповалов приезжал к ней, оставался ночевать, иногда даже зависал на несколько дней. Как уж он там объяснялся со своей официальной половиной, Катя только дивилась. Но, видно, умел изыскивать увертки, потому как такое половинчатое двоеженство с его стороны длилось не один год.

Нет, если уж быть до конца откровенной, то Анфиса ему действительно нравилась. В том числе и фигурой своей богатой. Атлет Лесоповалов предпочитал толстушек. Анфиса же его обожала. Они постоянно планировали, что вот как-нибудь утрясут все дела и проблемы и махнут вместе на отдых. Анфиса накопила денег. Она готова была отправиться со своим Костей куда угодно – в средиземноморский круиз, в Таиланд, на Канары. Но Лесоповалов, человек небогатый, однако гордый, от таких подарков с ее стороны наотрез отказался. Выбрали обоюдно более скромный вариант – Валдай. Анфиса перед отъездом звонила Кате – безмерно счастливая. Они уезжали в частный пансионат. Катя даже адрес записала на всякий случай: городок Двуреченск, «Валдайские дали».

Раньше чем через три недели Катя ее и не ждала в Москву. И вот этот Анфисин звонок.

– Да что стряслось-то у вас? – спросила она, включая «громкую связь», чтобы и «Драгоценный» был в курсе.

– Он меня бросил. Вернулся к жене. К семье. Собрался и уехал, – Анфиса продолжала рыдать.

– Вы что, поссорились?

– Нет. Просто он не выдержал со мной. Это все, Катя. Это конец всему.

– Ты возвращаешься? Анфиса, ты едешь в Москву?

– Зачем? Катя, мне нечем и незачем больше жить. Я, наверное, умру.

– Анфиса!

– Я хочу умереть!

«Ту-ту-ту» – отбой. Катя бросилась звонить ей на мобильный. Он был отключен.

– Мрак какой-то. – Катя села на постель. Они с «Драгоценным» спать собирались, у «Драгоценного» вид был до звонка такой томный, многозначительный. Он даже побрился на ночь. А тут нате вам – такой ночной концерт.

– Вадик, что делать-то?

– Ты меня спрашиваешь?

– А кого же мне еще спрашивать? Ты у нас всему голова.

– По-моему, дело житейское. Поссорились, помиритесь. – Кравченко улыбался.

– Он бросил ее там, ты же слышал.

– Где там?

– Ну, в этом пансионате или гостинице. В «Валдайских далах». Сбежал.

– Может, еще и не сбежал.

– Слушай, я боюсь за нее. Анфиска же нормальная во всем, но что касается этого дурака... Вбила себе в голову, что она уродина, а он весь такой из себя принц прекрасный. Знаешь, она вполне может это самое...

– Чего?

– Ну, из-за него что-то сделать с собой. Натворит беды.

– Где эти «Валдайские дали»?

– Где-то на Валдае. У меня адрес записан. Вот, какой-то Двуреченск.

– Кинь ноутбук. – Кравченко поудобнее уселся в подушках. – Щас глянем. Двуреченск – есть такой. Четыреста километров от столицы. Ехать через Тверь, Торжок. Ну-ка, какие туда поезда бегают?

– Поезда? – насторожилась Катя.

– Анфиса там совсем одна? – спросил Кравченко.

– Она говорила, что этот пансионат держит какая-то ее знакомая, она ей с рекламой помогла, ну и теперь они дружат.

– Это деловые отношения. Компании, значит, там у нее подходящей нет.

– Конечно, нет. А ты слышал, какой у нее голос был? Я боюсь, что...

– Слышал. Вот поезд есть, – Кравченко погрузился с головой в Интернет, – завтра. «Северо-Западный экспресс», ничего, подходящий. Отправление в 0.30, ночь в пути, к семи утра уже там.

– Ты предлагаешь мне ехать?

– Я предлагаю? – Кравченко изумился. – Анфиса чья подруга, моя или твоя?

– Она вполне может натворить с собой беды из-за этого идиота. А ты что, не будешь против, если я рвану к ней?

Кравченко вперился в потолок. Обычно он закатывал скандал, даже если Катя робко заикалась о том, что едет по служебным делам в подмосковный Дмитров. А тут... надо же... Разгадка была проста. Кравченко уважал и ценил Анфису. И дорожил их с Катей дружбой.

Он заказал Кате по Интернету билет, проводил ее на вокзал и посадил в поезд.

– Ты оттуда не рвись, – сказал он. – Все равно у тебя дни от отпуска остались. Если Анфиса захочет в Москву, бери ее в охапку и вези, а не захочет – побудь там с ней. Глядишь, и выправится ситуация помаленьку, потихоньку. Все ж таки красотища – природа, реки, озера. Ей отдых нужен сейчас, а не здешняя нервотрепка и выяснение отношений с этим ее охламоном.

– И ты совсем-совсем не будешь злиться, психовать, если я там с ней задержусь?

– Я вас обеих порву на куски, – пообещал Кравченко. – Потом. Не волнуйся, зайчик, за мной не заржавеет.

И все же провести целую ночь без сна, пусть и в комфортабельном «Северо-Западном экспрессе», счастье было невеликое. Катя сначала изучила от корки до корки журнал мод, потом пялилась в захваченный с собой в дорогу DVD-плеер, зарядив фильмы Хичкока. Однако ночь брала свое. Глаза слипались, и она решила пойти в вагон-ресторан выпить кофе.

Ресторан был полна коробочка. Многие пассажиры коротали время до своей остановки именно здесь. Пили, естественно, не только кофе, но и кое-что покрепче. Оживленный треп за столиками касался самых разных тем. Например, того же злосчастного «Невского экспресса».

Чур, чур меня, не к ночи он будь помянут!

– ...Поймите вы, Москва ваша живет как заповедник. Не может столица жить так, а вся страна, огромная страна, совсем иначе. Вот она, страна, за окном, неужели не видите разницы?

– При чем тут Москва? Важна инициатива на местах. Развитие, инновации...

С этими за угловым столиком все понятно.

– ...Алло! Алло! Алик? Это Гриша. Поздно? Ничего не поздно, я с поезда звоню. С поезда! Деньги на счет должны прийти в понедельник, максимум во вторник. Платежка у меня на руках.

С этим, охрипшим, сросшимся со своим мобильником, тоже все ясно.

– ...Вер, смотрела «Иронию судьбы – 2»?

– Ну?

– Правда, Хабенский там лапочка?

– А который там Хабенский?

И с этими тоже все понятно. Вот скуотища-то!

– ...Понимаешь, есть убийство и убийство. Разница большая. Там же из самого дела, которое я в архиве смотрел, из самих протоколов осмотра уже масса вопросов вытекает. Одно то уже, что само дело в том же сорок восьмом году забрали из Двуреченска. И потом все эти годы хранилось оно в архиве на Лубянке.

Двуреченск был той самой станцией, где Катя должна сойти с поезда. Естественно, она заинтересовалась. Разговаривали за столиком позади нее. Она обернулась украдкой – молодые парни. Один с модной бородкой, как у диджея, другой с косыми височками, в очочках. Ну-ка, включаем интуицию, кто они могут быть по профессии?

– И ты надеешься из всего этого старья наскрести на сюжет?

– На полноценный репортаж. Твое дело снимать, мое дело разговаривать с людьми.

– Шестьдесят лет прошло. Сдурел? Кто что может помнить?

– Найдем тех, кто помнит, – старух каких-нибудь, ветеранов. Там долго слухи про это дело не затихали, так что не волнуйся, материала нам на месте хватит.

Так, ясненько, господа журналисты. Катя вздохнула. Эту публику можно узнать и с закрытыми глазами. А о чем они толкуют? Про какое еще убийство в этом самом Двуреченске, где сейчас Анфиса одна-одинешенька?

Тут она отвлеклась, обратившись мыслями к Анфисе. Как она там? Вон сколько времени уже с ее звонка прошло. Телефон ее сотовый по-прежнему недоступен. Но это ничего не значит. Она просто не желает общаться с внешним миром. А вот не стряслось ли там с ней что-то похуже? Может быть, она от отчаяния уже таблеток снотворных наглotalась? Катю бросило в жар от этой мысли. Вообще вряд ли Анфиса брала с собой снотворное, она ведь никогда прежде им не пользовалась. А если не снотворное, то что еще может представлять угрозу? Там река, озера. Вот черт, полно там воды, на этом Валдае. А что, если Анфиска решила с горя утопиться? Мамочка моя...

Но тут Катя, к великому своему облегчению, вспомнила, как они с Анфисой ездили на Красное море в Эйлат. Как толстушка Анфиса ложилась в воде на спину и качалась на волнах, как поплавок. «Жир потонуть мне не даст, – вздыхала она. – Знаешь, почему пингвины не тонут? Потому что они, как я».

Катя в душе благословила и пингвинов, и лишний жир. От сердца у нее отлегло.

– ...Там уже в самом протоколе осмотра ерунда какая-то наружу выплывает, – репортер с бородкой облокотился на скатерть. – Дверь входная взломана. Так и записано. Но взломана снизу.

– Как это снизу?

– Ну, пролом сделан от пола до уровня замочной скважины. Дыра в двери зияет под дверной ручкой – доски вывернуты, расщеплены, дерматин, которым дверь была обита снаружи, вспорот, вата клоками.

– А чем взламывали – топором или ломом?

– Следствие тогда так и не установило. Там рапорт сохранился участкового, корявый такой, малограмотный. Так он написал, что «в двери прогрыз».

– Что за бред? – Собеседник репортера с бородкой закурил. – Какой еще прогрыз?

– Он, видно, так воспринял эти повреждения. Дыра от пола до дверной ручки вот на таком уровне, – репортер с бородкой показал жестом. – И тот, кто проник в дом через это отверстие, забраться мог только ползком, на четвереньках. Ну как какое-то животное.

– Но там же, ты сам говорил, рапорт сохранился о задержании какого-то типа. Он признался в убийстве Валенти и его сожительницы?

Катя слушала вполуха, пила кофе. Любопытно, конечно, какое-то старое убийство господа журналисты раскопали для телепередачи. Но ничего, увы, не понятно. А спроси она их, так они ей и выложили. Это ж их хлеб с маслом репортерский. Так что лучше и не спрашивать. Надо допить кофе и вернуться к себе, смотреть фильм Хичкока. Однако странно, они говорят про взломанную дверь. Зачем же ее именно так взламывать, ведь проникать действительно неудобно – ползком, на четвереньках...

– Задержали какого-то пьянчугу. И он во всем сознался. Я думаю, его чекисты так обработали, что он убийство мамы родной взял бы на себя, не то что этого гипнотизера Валенти с его ассистенткой, – репортер с бородкой усмехнулся.

– А почему чекисты?

– Я же сказал тебе: дело уже летом 1948 года было затребовано в Москву в МГБ. И не только потому, что Симон Валенти был известный на всю страну цирковой артист. Их тогда трое цирковых было, чьи имена после войны гремели по стране – Бугримова, клоун Карандаш и он – Валенти, фокусник и гипнотизер.

– Я думал, Кио-отец...

– При чем тут Кио? Валенти еще до него был бешено популярен. Все тридцатые, сороковые. Его способностями гипнотизера НКВД перед войной весьма интересовалось, и скорей всего его завербовали.

– Постой, это твои догадки или же...

– Слушай, он дружил с Абакумовым. И к Берии его возили несколько раз. И в Кремль. А с Абакумовым он был вообще очень близок. Я думаю, что тогда, в сорок восьмом году, в Москве что-то произошло. Эти поспешные гастроли Валенти в провинцию, в глубинку были похожи... ну не знаю, на ссылку или на бегство. А возможно, была еще какая-то для этого причина. Короче, он уехал из Москвы вместе с этой своей Мордашовой, ассистенткой, и двумя ее детьми от первого брака. Они гастролировали с цирком и приехали в Двуреченск. 1 мая 1948 года Валенти и его ассистентка были зверски убиты в доме, который снимали. Протокол осмотра тел читать тошно – кровавая неразбериха, кошмарные детали.

Катя не выдержала и оглянулась на своих словоохотливых соседей. Боже мой, неужели в ночном поезде за чашкой кофе, за рюмкой коньяка нет других более веселых, жизнерадостных тем?

Кровавая неразбериха... Имя артиста цирка Валенти ей ничего не говорило. Скорее всего, это звучный псевдоним. В то время модно было брать разные там иностранные фамилии для манежа. Но история, кажется, довольно интересная, жаль, что только в обрывках. Ну, сделают репортаж, фильм в стиле ретро, типа «Следствие вели», покажут по телику, вот и узнаем подробности.

– А ты детей этой его ассистентки упоминал. Они что, тоже были убиты? – спросил репортера с бородкой его собеседник, как поняла Катя, видимо, нанятый в поездку оператор.

– Дети бесследно исчезли за четыре месяца до убийства – в декабре. Их искали всем городом. Но тогда зимой и весной сорок восьмого так и не нашли.

Раздался резкий гудок электровоза. За окном вагона-ресторана замелькали огни встречного поезда. На дне Катиной чашки темнел толстый слой кофейной гущи.

Глава 3

ЛЮДИ ИЗ РАДУГИ

Когда вы сходите с поезда на перрон чужого незнакомого города, а поезд, погудев на прощание, следует дальше, почти сиротское чувство овладевает вами. Хочется ехать дальше и как-то даже не верится, что вот это и есть конец пути, тот самый пункт назначения, куда вы купили билет.

Поезд ушел. Катя осталась на перроне. Было утро. Был город Двуреченск. В промытых дождем небесах над городом цвела радуга. Она была потрясающей и вместе с тем какой-то ненастоящей, как будто нарисованной акварелью – яркой и одновременно размытой.

Радуга выгибалась коромыслом над желтым потрепанным зданием городского вокзала, давно уже не знавшим ремонта. И над привокзальной площадью она дыбилась горбом, накрывая собой, как куполом, дома, старый рынок и мост через реку. Она и сама была похожа на мост, перекинутый оттуда – сюда, из одного мира в другой.

Катя созерцала радугу, ощущая по-прежнему то самое сиротское чувство одиночества. Анфиса не встречала ее в Двуреченске. Она и не знала, что Катя уже здесь. Как воспримет она этот спешный приезд, это, по сути, вмешательство со стороны в свою незадавшуюся личную жизнь?

«Если с ней все нормально и если она не захочет пока вернуться в Москву, если я только почувствую, что ей мое присутствие сейчас в тягость, то что ж, вот вокзал, вон касса. Из-за еще одной ночи в поезде на куски я не рассыплюсь», – решила Катя, подхватила вещи, поискала глазами на перроне тех самых говорунов – журналистов из вагона-ресторана (вроде как они здесь тоже должны были сойти, но нет, не видно их что-то) и пошла на площадь искать такси или частника, который довез бы ее до «Валдайских далей».

Рынок у вокзала уже открылся, но покупателей на нем было кот наплакал. Да и продавцов тоже. Такси Катя тоже не засекала. Зато узрела у двухэтажного магазина «Продукты – Хозтовары» забрызганный грязью джип. Хозяин его вышел из магазина с картонной коробкой пива в руках. Это был плечистый спортивного вида парень, одетый в пятнистые брюки цвета хаки, в бейсболку и куртку-бомбер. Он загрузил пиво в джип, а потом неторопливо прикурил от зажигалки, явно никуда особо не торопясь. Катя ощутила на себе его взгляд – оценивающий и липкий, как смола.

Открылась дверь соседней с магазином «Аптеки». На пороге возникла брюнетка в накинутом на плечи белом халатике. Она была маленькой, крутобедрой, пышно-грудой. Ровный загар золотил ее смуглую кожу. Черные брови вразлет. Пухлые губы, накрашенные вишневым блеском. Белые джинсы-стрейч и черная кофточка с глубоким декольте выгодно подчеркивали ее весьма аппетитные для мужского глаза формы. Она ни капли не походила на провизора, несмотря на свой белый кокетливый халатик. И позже Катя поняла, что не ошиблась в той самой первой своей оценке: Анжела Юрьевна Харченко по прозвищу Аптекарша была владелицей аптеки, где отоваривался лекарствами почти весь городок.

– Чудная погода, – жизнерадостно сообщила она – нет, не Кате (на нее она лишь зыркнула с любопытством цыганским своим глазом: это что еще за птица к нам залетела, зачем?), а парню из джипа. – Я-то думала, дождик опять зарядит на целый день, а вот разгулялось.

Парень осклабился.

– Вы ведь из охотклуба? – прощепетала Аптекарша.

– Ну? – Парень перекинул сигарету из угла в угол рта.

– Славно отдыхается там, наверное, сейчас.

– Ничего, все путем. – Парень несыто пялил глаза на глубокий вырез ее кофточки. – И тут все вроде путем, а?

– О, если не считать скуки.

– От изжоги что-нибудь найдется?

– Простите, что? А, да, конечно... Заходите, сейчас мои девочки подыщут. – Анжела Юрьевна, владелица аптеки, посторонилась, пропуская хозяина джипа. В дверях он словно бы случайно прижал ее к косяку.

Катя с досадой отвернулась – утро, а тут уже гормоны зашкаливает, заигрывают друг с другом напропалую. Тоже мне герой-любовничек, рожа протокольная. Но видно, не в роже дело, а в стати. А стать, фигура у этого «охотничка», хоть и дура, но дура накачанная, мускулистая, совсем как у...

Тут на ум пришел Анфисин «свет в окошке» Лесоповалов, и Катя ощутила прилив злости. Все из-за него. Зачем ехал сюда, зачем Анфиску тащил с собой, раз не сумел все там, в той своей семье, уладить перед отъездом? Мужики! Хотят, чтобы только им одним было хорошо. А на остальных плевать. А в результате... Черт, надо спешить в эти «Валдайские дали», встретиться наконец-то с Анфисой, узнать, в каком она там раздрае душевном.

Старушка, торговавшая вязаными носками и беретами у входа на рынок, посоветовала ей перейти на ту сторону железнодорожных путей – там, мол, стоянка, там и «шоферня день-деньской крутится». Катя прошла через здание вокзала. На стоянке действительно куковало несколько раздолбанных «жигульков» с оранжевой меткой «такси» на крыше.

Однако на перроне ее внимание привлекла еще одна шумная сценка: из отцепленного вагона с помощью лебедки целая бригада рабочих выволакивала какой-то внушительный контейнер, готовясь погрузить его в подогнанный прямо к вагону грузовик.

Работами командовал молодой полноватый мужчина в джинсах и черной фирменной толстовке.

– Осторожнее! – орал он на грузчиков. – Разуйте глаза – трос заело!

Лебедка натужно хрипела. Контейнер угрожающе раскачивался. Ощущение было такое, что грузят какую-то громоздкую мебель, а может быть, и концертный рояль. Но Катя ошиблась.

– Че это, п-правда катер? Ни ф-фига себе. И че, п-плавать на нем в натуре б-будете?

К мужчине по-свойски обращались два подростка, которых Катя поначалу в общей суете и не заметила. Вид у мальчишек был бывалый, скорее всего, они не впервые прогуливают в самом начале учебного года уроки, толкаясь на вокзале.

– У Б-Буркалова тоже к-катер моторный, – объявил один из них – заика.

– У какого еще Буркалова? – насмешливо спросил мужчина в толстовке.

– У мэра нашего, – второй паренек кивнул куда-то туда, за вокзал. – «Маде ин голанд».

– Вы какой язык в школе учите?

– Аглицкий.

– Произношеньице супер. Голландский, что ли, катер у вашего мэра? – хмыкнул мужчина в толстовке. – Мой круче. Приходите, пацаны, дня через два, опробуем мотор.

– Че, п-правда приходить? В натуре? Это на п-пристань, что ли? – спросил недоверчиво заика.

– Легче, черти, завалите ведь вещь! – не отвечая, взвился мужчина в толстовке. – Вот так, вот так – потихоньку, аккуратно. Вошло, встало в кузов, все.

Он вытер вспотевший лоб. И словно только что заметил Катю. А она давненько уже стояла, глазела, теряя попусту драгоценное время. Честно говоря, медлила она не от крайнего легкомыслия и рассеянности, просто... сочиняла в уме версию поприличнее, чтобы своим приездом не подлить масла в огонь Анфисиногo сердечного пожара: «Надо ей что-то такое сказать, чтобы еще больше ее не взвинтить, а то она там и так вся на нервах».

– Жалкое зрелище? Забавляет вас? – спросил мужчина в толстовке. – Я катер купил, вот доставили по ЖД.

– Поздравляю.

– Не яхта Абрамовича, но мотор – сила. А вы из Москвы к нам?

– Отчего вы так решили?

– Уровень соответствующий – в смысле внешности и дорожного прикида.

Катя фыркнула, поправила на плече дорожную сумку. Неуклюжее кокетство сидело, как видно, у обитателей городка Двуреченска в генах, в печенке. Что ж, эту местную особенность надо учесть.

– Девушка, ну куда же вы? Вот так здрасьте, только познакомились, а вы сразу наутек от меня. Как я догадался, откуда вы? Так экспресс-то московский, не псковская вы, значит, и не дочь Вышнего Волочка. Вам что, такси надо? Такси, да? Они тут все сплошь бандиты, мафия, – парень в толстовке взмахнул руками. – Разденут-разуют. Вам куда, если не секрет?

– Мне в «Валдайские дали», – через плечо ответила Катя. Не остановилась, не замедлила шаг, хотя разговорчивый владелец катера скорее понравился ей, чем не понравился.

– О, «Дали» по местным меркам – это просто шикарно. Значит, в отпуск?

– У меня подруга там живет.

– Еще лучше. Значит, уже две москвички, – владелец катера совсем оживился. – То ни одной, а то сразу две. Я, между прочим, сам жил в столице. Хаять не буду – хороший город, сытый, крутой. А это вот Двуреченск. Столицу только по телику зрит – Кремль, Пугачеву с Галкиным, Малахова с Собчак. Спать укладывается рано, встает по заводскому гудку. Пьет, и не только по праздникам. Но, знаете ли, природа все искупает – рыбалка, грибы, ягоды. Я тут, например, торчу исключительно ради ягод. Ради клюквы болотной. Кстати, меня зовут Симон.

Катя направлялась к стоянке такси. За спиной ее галдели грузчики, хлопали какие-то железяки. Она, сторговавшись, уже садилась в старенький «жигулек», как к нему подрулило, подрезав и перекрыв выезд синее «Вольво». Симон высунулся из окна.

– Я как раз мимо «Далей» еду, – объявил он. – Это кто у нас за рулем? Эй, читланин, Серег, Паш, или как тебя? Ген? Сколько там тебе причитается? Сто? На, получи. И пулей – ее вещички ко мне в машину.

– Что это? – опешила Катя.

– КЦ. – Симон кивнул шоферу, и тот, спрятав сторублевку, ухмыляясь, потащил Катины вещи из багажника.

– Да я с вами не собираюсь никуда ехать!

– Почему? Я что, на пацака похож? Это они все читлане, сплошь мафия. Бандюки. А я тихий, смирный. Нет, если совсем серьезно, очень рад с вами познакомиться. И я рад быть вам чем-то полезным.

Катя покачала головой и сдалась. Если уж так ее чары неотразимы – что ж, это приятно. И потом он, этот Симон, довольно симпатичен. Не какой-нибудь там слесарь-пропойца, а хозяин катера, и машина у него не то что этот раздолбанный «жигуль», на котором и ехать-то по кри-вым местным дорогам, наверное, страшно.

Она устроилась на заднем сиденье. Только в машине она ощутила исходивший от Симона слабый запах алкоголя. И это в такую-то рань? И снова упрекнула себя: нельзя быть такой опрометчивой. Садиться в машину к первому встречному в чужом городе. Мало ли что он «понравился», они все, эти пройдохи, сначала нравятся, а потом...

– По правде говоря, мне не хотелось, чтобы вы ехали одна с кем-то из этих, что гужуются тут у вокзала, – сказал Симон, точно подслушал ее мысли. – Народ тут пестрый. И острый. И с приезжими порой не церемонится.

– Спасибо за заботу.

– Пожалуйста. Вы, кстати, так мне имени своего и не сказали.

– Екатерина.

Он одобритительно кивнул в зеркальце. У него был высокий лоб и широко поставленные темные глаза. Короткие кудрявые волосы колечками падали на лоб. На вид ему было за тридцать. Для Двуреченска он был, пожалуй, слишком даже живой и непосредственный в своем желании общаться.

– Вы здесь живете постоянно? – спросила Катя.

– Более или менее. Я дом тут купил. Думал, буду просто наезжать летом. Да вот как в апреле приехал, так и завис до сентября. Бизнес на компаньона бросил. Боюсь, наворотит он там дел без меня. А вы чем-то обеспокоены, ведь так? Вы сюда из-за подруги приехали?

– С чего вы взяли? – Катя ощутила смутную тревогу. Этот странный парень, как он угадал?

– Но это ведь правда?

– Да, то есть не совсем. Почти что. Но как вы определили?

– Не знаю. У меня иногда получается это самое. Того бандита на площади, таксиста, Генкой зовут, но я его имя, как видите, только с третьей попытки снял.

– Как это сняли, откуда?

– Из его подсознания, – Симон улыбнулся, – из мозгов. А, не берите в голову. Это я так, шучу. Хочется порой приколоться. Я ведь тут один живу. С домработницей. Домработница бабка Мирониха. Тетка мировая. Но лет-то ей уже под восемьдесят. Волком закукуешь с такой зазновой. А тут утро ясное, мне катер притырили наконец-то – сколько ждал. И бац – венцом всего такая милая, очаровательная девушка. Туристка. И без спутника.

– Я замужем.

– А я это сразу понял.

– Так уж и поняли.

– С ходу. Но мысль грустная, и я ее отмел. Пока что. – Симон повернулся к Кате. – Нет, серьезно, здесь это значения никакого не имеет.

– Это? А вы правда катер купили? Они же миллионы стоят.

– Ну, это почти что катер.

– А, ясно, – Катя усмехнулась. – Мальчишки там, на вокзале, вам тоже не очень-то поверили.

Она поймала в зеркальце его взгляд. Какой-то другой – не прежний. Искорка настороженности и недоверия вспыхнула и погасла.

– Вот любуйтесь – это городская баня. А дальше – мэрия, это вот собор, – Симон неспешно вел машину по центральной улице. – Это здание городского театра драмы и комедии, когда-то в нем даже цирк выступал. А вот и мост.

Миновали мост, за которым старый Двуреченск, по сути, уже кончился. Тут было что-то вроде пригорода – слободы, частный сектор: дома за заборами в яблоневых и вишневых садах. На участках собирали осенний урожай. Пахло прелой листвой и дымком.

Потом и слобода кончилась, и дорога зазмеилась по берегу реки. Над лугами, влажными от осенних дождей, в солнечном сентябрьском небе по-прежнему искрилась радуга.

– Красиво как. И какие цвета яркие, – Катя не смогла сдержать восхищения.

– Не смотрите на нее долго.

– Почему? Я такую радугу видела всего пару раз, наверное.

– Ваше счастье. Примета скверная.

– Радуга? Кто это сказал?

– Я это говорю. А еще древние греки, кельты, даяки с острова Борнео. Еще сорок лет тому назад, заведя в небе радугу, они хватались за ножи. Радуга – это знак, что боги жаждут, что они голодны и беспокойны. А людям это ничего хорошего не сулит.

– Вы что, бывали на Борнео?

– Бывал. Но Двуреченск как-то милее моему сердцу, Екатерина.

Машина миновала маленькую рощу, за которой были снова луга, а над ними радуга красно-оранжево-зеленой дугой. Послышался громкий лай собак. Солнце било Кате прямо в глаза, и она даже зажмурилась. А потом, открыв, увидела слева гладь воды, справа все тот же луг, над ним радужную сферу и словно выходящие, выступающие из оранжево-зеленого акварельного цвета темные фигуры. Их было много, и двигались они медленно, на равном расстоянии друг от друга.

Симон резко сбавил ход, машина медленно ползла по шоссе. А по обочинам его стояли военные грузовики. По лугу, по направлению к лесу и вдоль реки шли солдаты в полевой форме. Здесь же было полно и милиции. Вся эта масса людей перемещалась от дороги в глубь территории. Слышались отрывистые команды. Среди милиционеров Катя увидела и кинологов – они вели на поводках овчарок.

– Что случилось? Что это тут у вас такое? – Острое чувство тревоги захлестнуло Катю. Все произошло так внезапно, и так велик был контраст между полным безмятежности и покоя пейзажем и этими людьми в военной и милицейской форме, собранными здесь и сейчас в таком количестве, двигавшимися так сосредоточенно и мрачно, что это никак, ну никак не походило на учения, а смахивало только на одно – на тотальную проческу местности.

Симон совсем сбавил ход, машина почти остановилась, но гайшник на обочине возле грузовиков, глянув в салон, махнул жезлом: проезжайте быстрее, не задерживайтесь.

– Кого-то ищут, – тихо сказал Симон. – Утром и на вокзале все кого-то искали, я заметил – проверяли электрички и вагоны в отстойнике.

Глава 4

«ДАЛИ» – ВИД ИЗ ОКНА

Черная ворона устроилась на покатой крыше гаража. «Карр!» – требовательный хриплый вопль вороньей черной души: карр! карр!

Ольга Борщакова стояла у окна своего кабинета – в «Валдайских далях» управленческий офис располагался на втором этаже в пристройке. Так пожелал когда-то муж Ольги, утверждая архитектору проект строящегося здания.

Центральная часть здания была отведена под номера, на первом этаже помещались ресторан, бар, кинозал, спортивно-тренажерный комплекс, сауна. Имелся небольшой зимний сад, а также уютная терраса с видом на реку по всему фасаду. Муж Ольги Борис Борщаков – главный застрельщик и организатор строительства – был захвачен идеей сделать «Дали» одним из лучших частных отелей на Валдае. Он не жалел для этого ни сил, ни средств. Сил тогда у него хватало на все. А средства он умел добывать, налаживая выгодные отношения с банками, бизнеспартнерами, местной администрацией и некоторыми весьма влиятельными структурами в Москве. Он многое умел и во многом преуспел для своих сорока шести лет. Полтора года назад он погиб в автокатастрофе – нелепой и страшной аварии по дороге в Москву. И с тех пор время в «Валдайских далях» – месте, которое он так любил, которое, по сути, создал с нуля, как будто остановилось.

Черная ворона, склонив голову набок, смотрела в окно кабинета и видела за стеклом крупную сорокавосемилетнюю женщину – стриженую блондинку, солидно раздавшуюся вширь, несмотря на тысячи разных диет и модный фитнес, которыми она себя изнуряла постоянно.

Ворона каркнула и, словно заводная уродливая игрушка, заскакала по крыше. Она плясала свой вороний танец, то и дело проверяя – наблюдает ли за ней женщина в окне. Ворона прилетала на крышу гаража вот уже несколько дней. И начинала каркать, надсаживая глотку до тех пор, пока Ольга не подходила к окну. Эта повторяющаяся каждое утро сцена начала уже действовать ей на нервы. Утро было самым горячим временем для управленческого штата отеля и для его хозяйки. Ворона словно знала это, и прилетала, и начинала орать как будто нарочно, провоцируя Ольгу. Словно ждала, что та в сердцах распахнет окно и запустит в нее чем-нибудь увесистым, убивающим наповал – например керамической кружкой для кофе или же мраморной пепельницей, оставшейся в кабинете с тех времен, когда здесь в кожаном кресле за столом сидел Борис Борщаков.

Этот странный поединок птицы и женщины должен был чем-то в конце концов закончиться. Но Ольга отчего-то боялась даже думать об этом. Но слышать каждое утро под своим окном это вызывающее «карр, карр!» было тоже уже выше ее сил.

«И когда же ты только сдохнешь, тварь?» – мысленно послала Ольга вопрос своему пернатому недругу.

«Не дожدهшься, – ответила ворона. Ольга совершенно отчетливо прочла это во взмахе ее крыльев, в остром блеске глаз-бусин, глаз зорких, полных какого-то бесовского ясновидения. – ОН тоже все спрашивал вот так. А где ОН теперь, а?»

Ольга резко отвернулась. ОН... Что она знает про него, грязная лгунья? У них с НИМ в самом начале было пять очень счастливых лет. У них с НИМ была дочь Даша. Она была похожа на него, на своего отца, как две капли воды. И только она одна знает, как он хотел этого ребенка. Их позднего ребенка. Как он ждал его рождения, как переживал вместе с ней, Ольгой, по поводу тех выкидышей, той ее мучительной болезненной неспособности рожать.

Когда она справилась с собой и родила прекрасную здоровую девочку, он... да он был, наверное, самый счастливый, самый гордый отец на свете. «Валдайские дали», этот комплекс со всеми его угодьями – с пляжем, с лесопарком, гостевыми коттеджами – был задуман им как подарок для их долгожданной богоданной девочки, как ее будущее приданое, стабильный и надежный капитал. И разве тогда он спрашивал ее – Ольгу, свою жену, подарившую ему это чудо – ребенка: «И когда же ты только сдохнешь, тварь?» Когда же ты только сдохнешь, освободишь меня?

Ольга помнила ту ночь, когда он задал ей этот вопрос тихим, звенящим от ненависти голосом. Тогда она поняла, что это конец, что прежняя их жизнь – семейная, стабильная, обеспеченная – провалилась в тар-тарары. И что ничего у них с ним хорошего, светлого больше не будет. А будет только этот вот змеиный шепот – по ночам в супружеской спальне при закрытых дверях. А днем на глазах дочери Даши одно лишь притворство, сочащееся гноем.

«Когда же ты...»

«А где ты теперь, а?»

Когда ей позвонили и сказали, что ее муж Борис Борщаков мертв, она испытала облегчение – это было ужасно, но это было, увы, чистой правдой. Она не обрадовалась, нет, но ей стало легко, как будто разом упало давление, и она задышала свободно полной грудью. Авария произошла на шоссе по дороге в Москву. Борис Борщаков на полной скорости выехал на встречную полосу, пытаясь обогнать на подъеме в гору автоцистерну. Он был сам виноват в лобовом столкновении с мчащимся навстречу грузовиком. На ночной, плохо освещенной дороге это было безумием. Но Ольга знала причину этого безумия. В ту ночь Борис Борщаков очень торопился в Москву. Он всегда торопился, сгорая от нетерпения и страсти, когда ехал в Москву к НЕЙ.

Может, лучше им было бы развестись? Но развод означал бы ЕЕ победу. А этого Ольга допустить не могла. Да он и сам на разводе сильно не настаивал, и не только из-за дележки имущества и капитала, который они наживали сообща.

Он не настаивал на разводе из-за дочери, в которой души не чаял. Он знал, что она, Ольга, никогда не отдаст Дашу ему. И считал, что его разрыв с семьей нанесет девочке непоправимую психологическую травму. А ранить чем-то «свою Дашутку, свое сокровище» он не мог – и в этом был он весь.

«Ну да, он предпочитал наносить раны мне. – Ольга вспомнила тот их самый последний день здесь, в „Далих“, после которого Борис умчался в Москву навстречу своей гибели. – Он предпочитал терзать меня своей ненавистью. Но ведь ЕЕ он тоже терзал. ЕЙ он тоже причинял боль своим нежеланием быстро развестись со мной и оформить брак там, в Москве».

От этого на душе как-то сразу отлегло. От этой мысли, что «ЕЙ тоже было тогда не сладко с ним», даже сейчас, по прошествии стольких месяцев, когда некого было уже делить и не за кого ломать копыя, на душе начинали петь скрипки вместе с соловьями. «Сейчас ЕЙ хуже, чем мне. У меня, по крайней мере, есть деньги, собственность, есть дочь – его ребенок, его плоть. А что есть сейчас у НЕЕ?»

Когда мужчина, имеющий жену и любовницу, неожиданно гибнет в автокатастрофе, кто остается при своем, а кто теряет все, что имел? В случае с Борисом Борщаковым в выигрыше оказалась Ольга. Законная жена, для которой в последние годы ночью в спальне при закрытых дверях, днем в офисе при запертых на ключ дверях, в машине наедине он не находил иных слов, кроме как «Когда же ты сдохнешь наконец, тварь, сволочь, гадина, б...?».

В проигрыше же оказалась та, другая – любовница, которой он шептал в постели в порыве страсти совсем иные слова. Через полтора года о ней стоило бы уже и позабыть. И вроде бы это не составляло труда, потому что ОНА в реальности как бы и не существовала теперь. Да и тогда тоже.

Реальность – это что-то осязаемое для ненависти, для ревности – лицо, фигура, глаза, походка, цвет волос, голос. А ничего этого для Ольги Борщаковой как бы и не было. Ведь она никогда не видела любовницы своего мужа. Знала только, что зовут ее Анна, что она гораздо моложе, что работает в Москве в каком-то рекламном агентстве и что у нее нет детей.

«Она не смогла от него родить, а я родила, – подумала Ольга. – Сейчас мне сорок восемь, Даше восемь. Газ в наш дом в Двуреченске проведут, все работы закончатся к октябрю. С осложнениями после скарлатины мы уже почти справились. Еще две недели посидит в карантине и пойдет в школу, жаль, что так вышло, первого сентября с этой скарлатиной чертовой, и откуда только привязалась эта зараза, но ничего, все уже позади. Год закроем с прибылью, на Рождество махнем куда-нибудь отдохнуть за границу все вместе – тетя Маруся все зубы себе отремонтировала, можно и в Европу ее везти, Игоря тоже возьму с собой, с ним мне надо что-то решать, ох, мука моя, а что тут решишь?»

Ворона на крыше гаража каркнула так, словно в крике хотела разорваться пополам. Она явно бросала вызов. Ольга потянула оконную раму на себя, шаря глазами по своему письменному столу – что бы взять такое, чтобы прикончить эту сволочугу. Но тут же и опомнилась. Французы уезжают. Автобус их вон под окнами разворачивается. Что они подумают, если у них на глазах она – хозяйка «Валдайских далей», уважаемая женщина, любящая мать – пришибет эту пернатую провокаторшу.

Ольга взяла телефон и набрала сотовый номер Игоря Хохлова – старшего менеджера отеля, выполняющего одновременно обязанности и начальника охраны.

– Слушай, ты говорил, что ружье купил, – сказала она тихо, словно боялась, что ворона услышит ее.

– Не регистрировал еще, не успел. А в кого стрелять?

– Я покажу. Завтра утром, когда французов не будет здесь.

– Подсудное дело, а? – Игорь Хохлов усмехнулся.

– Ты же говорил, что на все ради меня готов.

– Ах, вот как. Проверочка?

– Да, испытаем тебя, Игорек. Французы завтраком довольны?

– Вполне. Они уезжают.

– В 2016-м номере фен сломали. Вызвать мастера. И что там с душем в 2025-м? Наладили?

– Заменяли полностью.

– Мои красотки где? У себя или уже завтракают?

– Уже завтракают, и Маруся Петровна, и Дашенька. Оль, я сейчас зайду к тебе? Тут письмо из налоговой пришло и...

– Можешь зайти просто так. Письмо подождет, – усмехнулась Ольга.

Игорю Хохлову, ее старшему менеджеру, было двадцать восемь лет. Он умел извлекать выгоду из своего возраста и внешности. А вот убедительных и одновременно изящных, ни к чему не обязывающих поводов «зайти» изобретать так еще и не научился.

Торжествующая ворона взмыла с крыши, пронзительно каркнув на прощанье.

«Ничего, ничего, поглядим, где ты будешь завтра, тварь». Ольга проводила ее взглядом, пока она не скрылась за кронами деревьев.

Глава 5

«ДАЛИ» – ВИД СНАРУЖИ

Было такое чувство, что все с самого начала пошло не так. Катя подъезжала к отелю с тяжелым сердцем. Анфиса... Нет, Анфиса как раз сейчас, в данный конкретный момент, не беспокоила ее так сильно, как еще, например, вчера. Эти военные машины на дороге, солдаты, милиция – да, именно это тревожило и пугало. Все это совсем не было похоже на учение, на игры в солдатиков на пересеченной местности, все это пахло катастрофой. Что-то произошло, и это «что-то» – Катя чувствовала это сердцем – не даст спокойно жить в этом самом Двуреченске, который она и видела-то мельком из окна машины, никому – в том числе и ей, и Анфисе, если они не покинут этот город как можно скорее, вечерним же поездом.

Симон (Катя все никак не могла привыкнуть к его имени. Чуждое имя, более похожее на прозвище, на псевдоним и вроде слышанное совсем недавно – только вот в связи с чем и от кого?) тоже как-то притих. Он свернул направо с шоссе на аллею. Это было похоже на парк в черте города на берегу реки. Возник небольшой песчаный пляж, затем новенький детский городок с качелями, горками и волейбольной площадкой. На лужайке выросли как грибы бревенчатые коттеджи. А потом Катя увидела и сам отель – четырехэтажный, выстроенный из красного кирпича. Здание походило на замок: фасад по бокам украшали круглые башенки, крыша была крыта металлочерепицей. На крыше лепилась спутниковая антенна. К главному зданию были пристроены флигели. Двор был просторный, посыпанный гравием, с круглым цветником посередине. У стен были высажены туи. Какие-то маленькие хвойные деревца росли и в терракотовых кашпо, рядом выставленных вдоль террасы из темного мореного дуба под полосатым тентом, где все еще работало летнее кафе.

– Бар здесь лучший в городе, – сказал Симон, останавливая машину и кивая на высокие стрельчатые окна первого этажа.

Катя вышла из машины. Этот краснокирпичный увесистый новодел, такой нерусский, такой немецкий, в самом сердце среднерусской Валдайской возвышенности с его терракотовыми горшками резко отличался от архитектурного стиля Двуреченска. Если только можно было назвать стилем то разношерстное скопище серых силикатных пятиэтажек, сталинских домов с осыпавшейся лепниной в виде венков из хлебных колосьев, сколотых серпом и молотом, старых купеческих особняков, деревянных бараков, блочных восьмиэтажек и «стекляшек» семидесятых. Замок-новодел был возведен словно в пику всему этому архитектурному хаосу, который мирно уживался в Двуреченске не один десяток лет. Он был построен как бы вопреки, без оглядки на глубоко укоренившиеся традиции.

– Подруга вас не встречает. – Симон вытащил Катины вещи.

– Сейчас разыщу ее. – Катя забрала у него дорожную сумку. – Спасибо, что подбросили.

– А я был прав, когда не дал уехать вам с кем-то из здешних. Там, на дороге, когда мы проезжали, и в лесу... Так бывает, когда ищут кого-то. Того, кто пропал. Ну да если столько народа ищет, найдут, наверное. Ну, а мне пора, катер мой давно уже привезли. Но мы с вами, Екатерина, еще увидимся. Я сюда в бар наезжаю. А в городе меня тоже легко найти – улица Лобачевского, дом пять. Запомните, пожалуйста, буду рад, если зайдете с подружкой.

Однако он уехал не сразу, а лишь когда Катя, подхватив вещи, поднялась по ступенькам. Широкие двери из темного оргстекла открылись перед ней автоматически.

И первой, кого она увидела у стойки рецепции, была Анфиса. Нет, не в дорожной одежде, не с чемоданами, а в ее любимом костюмчике для фитнеса – розовом, плюшевом с капюшоном и вышитым на спине ушастым кроликом. Этот самый розовый кролик обтягивал Анфисины тела и округлости, делая ее похожей на колобок на толстеньких коротких ножках. В руках

Анфисы был розовый рюкзачок, из которого торчало полотенце для сауны. Она обернулась – просто так, машинально, взглянуть, какого еще нового постояльца принесли в «Валдайские дали» черти. Обернулась и застыла, узрев Катю.

– Анфис, я... – Кате вспомнился кадр из фильма «Афоня» – тот самый финальный на сельском аэродроме: «Вы мне звонили?»

– Ты приехала? Ко мне?

– Анфис...

– Сюда? В такую даль? – Лицо Анфисы мгновенно осветилось, зарделось, покраснело, побледнело. Она заулыбалась было растерянно, но тут уголки ее рта опустились вниз, на глаза навернулись слезы. Она порывисто сграбастала Катю и, уткнувшись в ее плечо, воскликнула: – Ты с ума сошла! Притащиться сюда в эту дыру из-за меня – ты сошла с ума, господи боже, спасибо тебе большое!

– Анфис, мы сейчас пойдем к тебе, и ты мне все расскажешь. Я боялась, что ты уже уехала. Я звонила тебе все время, но твой телефон...

– Плевать на телефон. Катька, милая, как же хорошо, что ты здесь со мной! – Анфиса цеплялась за Катю. – Ты побудешь здесь со мной, поживешь? Мне столько нужно сказать тебе. Ты не волнуйся, мы сейчас все устроим – тут славно, тебе тут понравится... Но вообще-то тут ужасно. Кошмарно. Чудовищно! Я места себе не нахожу. Катя, он... у нас с ним все, ты понимаешь? Все кончено.

ЭТО БЫЛ САМЫЙ НЕПОСЛЕДОВАТЕЛЬНЫЙ И САМЫЙ ГОРЯЧЕЧНЫЙ МОНОЛОГ, КАКИЕ ТОЛЬКО КАТЯ КОГДА-ЛИБО СЛЫШАЛА. Словесный сумбур, какофония чувств, слезы. А потом закружилась, завертелась суета – круговерть. И Катя уже не могла понять, кого слушать, кому отвечать, на что смотреть. Вышитый розовый кролик, рюкзачок с полотенцем, дорожная сумка, оттягивающая плечо. Какой-то парень-симпатяга, точно из воздуха материализовавшийся на рецепции – менеджер или портье, черт его разберет: «Вы к нам?», «Очень рады, что вы выбрали наш отель. Вам знакомы наши расценки? Номер какой предпочитаете – с видом на реку или на лес? А может быть, вы хотите устроиться вместе, вдвоем? В 2017-м, который занимает ваша подруга Анфиса Марковна, – двуспальная кровать, он у нас специально для молодоженов, и теперь это вряд ли подойдет. Вы можете переехать с ней в 2015-й. Он у нас семейный, вот заполните, пожалуйста, бланк и паспорт ваш, будьте добры...»

Катя как во сне вручила ему паспорт. И увидела девочку. Она в отличие от симпатяги-менеджера не материализовалась из воздуха как дух, как фантом. Она влетела в холл – разбурмажившаяся, запыхавшаяся, в полосатом красном свитере, красных брючках и кроссовках.

– Анфиса, я уже позавтракала! – объявила она звонко. – Ты обещала, что пойдем сегодня гулять, если мне врач разрешит. Он разрешил, можно. А бабушка с нами не пойдет, у нее ногу ломит!

Следом за девочкой в холл, опираясь на палку, вошла «бабушка» – нет-нет, ни в коем случае не старуха, язык бы не повернулся назвать ее таковой, и это Катя отметила даже в этой вселенской суматохе, а пожилая представительная дама – тоже в красных брюках и в черном вязаном кардигане. Брюнетка с идеальной укладкой (Катя только потом догадалась, что это у нее парик), прямая как палка, тщательно покрашенная и напудренная и хромая, как лорд Байрон. Единственным «киксом» в ее туалете были старые, донельзя разношенные черные туфли на распухших от подагры ногах.

Такой Катя увидела Марусю Петровну Карасеву – троюродную тетку хозяйки «Валдайских далей» Ольги Борщаковой и бабушку ее восьмилетней дочери Даши.

– Дашунчик, прогулку вашу придется отложить. К Анфисе приехали, ты же видишь сама. Добрый день, – она приветливо кивнула Кате. – Устраивайтесь, как вам удобно. С погодой

вам повезло, вон сегодня какое солнышко жарит, а то все дожди да туман. Сырость портит настроение, умножает печаль, а ее и так предостаточно. Это очень хорошо, что вы приехали...

– Катя. Меня Катя зовут.

– А меня Мария... Маруся Петровна, – пожилая дама обворожительно улыбнулась Кате. – Это прекрасно, что вы приехали к нашей милой Анфисе Марковне, а то она в последние два дня что-то хандрит... Ну, ну, ну, не будем вспоминать. Вот, Анфисочка, я же сказала вам, что все в конце концов будет хорошо. Все устроится.

И все действительно «устроилось». В 2015-м «семейном» номере отеля с телевизором, двумя отдельными кроватями и отличной ванной, с панорамным окном и видом на реку и заливные луга, над которыми всего час назад переливалась радуга.

Но радугу стер с неба яркий солнечный свет. Солнце заливало номер золотом, мягко согревая, как компресс, всех, кто нуждался в тепле, всех, кто продрог в пустом и гулком «номере для молодоженов» на широкой и такой никчемной теперь двуспальной кровати.

– Катя, я не знаю, что мне делать, как дальше жить. – Анфиса сжимала пухлые кулачки. – Я вот с утра в сауну пошла. Проснулась – и в сауну. Но это ничего не значит, понимаешь? Его нет со мной, а я без него словно и не существую. Я вот там, в сауне, паром обожглась, и мне даже как-то легче стало сразу. Больно, но я себя почувствовала – на миг, через боль, но почувствовала. А так я вся как отшибленная. Знаешь, когда ногу отсидишь? Ну, вот как будто я сама себя отсидела всю, или меня отсидели... Мне даже если иголкой уколоться... – Анфиса выхватила откуда-то (Катя и глазом не успела моргнуть) брошку в виде подковки и с размаху всадила иглу застешки себе в большой палец.

Что-то подобное Катя предвидела. Похожие случаи приключались с Анфисой и прежде. «Боль – лучшее лекарство», – повторяла Анфиса. Когда-то давно с помощью боли она пыталась избавиться от лишнего веса, утверждая, что боль притупляет аппетит. Это было нечто похожее на «пунктик», на некую занозу, засевшую в ее голове. Кате казалось, что Анфиса полностью изжила этот проклятый «пунктик», но, оказывается, все было не так-то просто. Она отняла у нее брошку.

– Есть йод или пластырь бактерицидный? – спросила как можно спокойнее.

– Зачем? У меня даже крови нет. Не идет, вот смотри. Я же говорю, я себя не ощущаю. Нет меня, нет, нет! – Анфиса повысила голос. – Я есть только с ним, в нем. Он увез меня с собой и выбросил по дороге в помойную яму!

– Что у тебя произошло с ним? – Катя подумала, что простецкая фамилия «Лесоповалов» как-то не вяжется с общей патетикой момента. Вообще, как Анфису угораздило втрескаться в парня с такой лагерной фамилией?

– Ничего. Он просто уехал. Бросил меня.

– Но была, наверное, какая-то причина? Вы поссорились?

– Я могу с ним поссориться? – Анфиса посмотрела на Катю. – Я «нет, Костя» сказать ему никогда не могла.

– Так в чем же дело?

– Мы приехали. Поселились в номере для молодоженов. Прожили неделю. Я думала, из постели вылезать не будем. Я дурная была такая – мне что-то говорят, ну эти все, здешние – Ольга Борщакова, тетка ее, отдыхающие, а я ничего не слышу, ничего не понимаю, как дура. Смотрю только на него, вижу его одного. А он... Ты не поверишь, уже на третий день он стал звонить домой.

– Жене?

– Дочке. И матери с отцом. Он сказал, что дочке специально сотовый купил, чтобы с ней на связи быть.

– Анфиса, ну он же отец.

– Да я понимаю, я все понимаю. Я все эти годы все прекрасно понимала, как собака, только сказать ничего не могла. Телефон не отвечал. И он стал звонить матери с отцом. Ну, а те знаешь, как ко всему, что со мной связано, относятся? Они взвинченные там, кроме ругани, никаких объяснений – такой-сякой, уехал с девкой – это, значит, со мной, семью бросил, а теперь о ребенке, мол, беспокоишься. Тогда он ей звонить начал.

– Жене? – снова уточнила Катя.

– Ага. При мне. Я тут же рядом на постельке калачиком. Она типа: «Чего тебе от нас надо? Что звонишь?» Он: «Как дочка? Что с ней, почему телефон молчит?» А она: «Поздно спохватился, надо было раньше, когда с проституткой своей (то есть со мной), – Анфиса всхлипнула, – на курорты подался». Он уже тоже на нервах весь: «Что с ребенком, могу я с дочерью поговорить или нет?!» А она: «Довести ее хочешь до истерики? Она и так все время „где папа“ спрашивает. А ее лихорадит, температура вон ночью подскочила». Ну, ты понимаешь, что после такого здешний наш отдых как-то совсем на отдых перестал походить. Я на него смотрю, и он вроде смотрит на меня, а все мимо. Пролет полный, понимаешь. Все мысли там, дома, в Москве у них. Потом опять стал звонить: как, что? А они, конечно, хором: хуже, температура, подозрение на пневмонию. Короче, после всего он встал вот тут передо мной: «Анфис, знаешь, я не могу. Я должен. Прости, но мне надо вернуться». Я сказала: конечно, Костя, раз ребенок болен и ты отец... Я все ему сказала, Катя.

– Ты правильно сказала.

– Но я поняла, что это конец. – Анфиса всплеснула руками. – И так будет всегда. И нечего больше ждать и надеяться. Он не уйдет от них никогда. Он уйдет от меня. Он это доказал на практике. Недели со мной не выдержал. Здесь, на всем готовом, когда только ешь, развлекайся, гуляй, занимайся любовью, в общем наслаждайся бытием, пей чашу счастья. И он этого со мной не вынес. Что же будет, когда настанет просто жизнь? Не отдых, не медовый месяц, а жизнь – наша с ним жизнь семейная, вдвоем? Я поняла, что этой самой жизни у нас с ним никогда не будет. В планах не предвидится там, на небесах, где браки заключаются.

– Анфиса, но этот случай чрезвычайный – у него ребенок заболел.

– А может, и не заболел. Может быть, они ему просто соврали. А он с радостью в это поверил. Ухватился как за соломинку, чтобы сбежать от меня.

– Ты не права.

– Я права. Я пристрастна сейчас и зла, я это знаю. Но я права. У нас с ним все кончено. Это и в доказательствах дополнительных уже не нуждается. Но у меня другая проблема. Что мне с собой-то теперь делать? Я не знаю. Я не знаю, как мне жить без него.

– Анфиса, ну не надо, не надо вот так... Отчаиваться, доходить до крайности. Пройдет время, все устаканится. Вы поговорите спокойно. Костя Лесоповалов, конечно, не подарок, но человек он... честный. Вы объяснитесь. Когда-то ведь все равно бы пришлось объясняться. – Катя ловила себя на том, что слишком уж либерально высказывается по поводу чертушки Лесоповалова. Помнится, в поезде у нее находились для него совсем другие эпитеты. – И что ни говори, тебя он любит. Вы с ним пара, сложившаяся пара. А у всех пар...

– Мы с ним счастливая пара?!

– Сложившаяся.

– Счастливые пары, Катя, видно с первого взгляда. Вот они, – Анфиса подошла к окну, – это действительно счастливая пара. Это Зубаловы, они приехали на несколько дней раньше нас. Двадцать пять лет уже вместе, двое взрослых детей. Нет, ты подойди и посмотри сама на них, чтобы потом такой ерунды мне больше не пороть.

Кате ничего не оставалось, как тоже подойти к окну и посмотреть на этих самых Зубаловых.

Глава 6

«СЧАСТЛИВАЯ ПАРА»

Олег Ильич и Марина Ивановна Зубаловы шли по аллее, обсаженной соснами, к реке. Катя видела из окна пятидесятилетнюю солидную супружескую пару. Судя по одежде (на нем – белая рубашка поло и куртка «Хьюго Босс», на ней – песочного цвета бриджи и ветровка из тех, что продают в магазинах «Престиж»), неплохо обеспеченную. Они шествовали чинно, неторопливо. Они были одного роста и одной комплекции – оба плотные, невысокие. Он краснотлицый с густой шевелюрой, она – крашенная блондинка. Оба были в темных очках. Он сдвинул свои на самый кончик носа, она вздернула свои на темя. Солнечный луч отражался в глянцевых стеклышках, так что издали казалось, словно это корона покоится на светлых ее волосах – корона из черных агатов, а может, из угля.

Катя видела из окна, что они что-то горячо обсуждают. Мало ли тем для разговора во время утренних прогулок после завтрака за обильным «шведским столом» на отдыхе в комфортабельном отеле? Мало ли тем у тех, кто, по словам Анфисы, прожил бок о бок четверть века?

Катя все это видела и принимала как должное: да, эти самые Зубаловы, наверное, подлинно счастливая семейная пара, раз после двух десятков лет совместной жизни они идут рука об руку и еще о чем-то там говорят меж собой. Она не слышала их разговора. Но если бы смогла слышать, то поняла бы, как обманчиво первое впечатление. Как порой лгут нам наши собственные глаза.

– ...Я тебя спрашиваю в последний раз: сколько еще?

– Марин, я клянусь тебе.

– А я в самый последний раз тебя спрашиваю: до каких пор ты будешь меня мучить? – Марина Ивановна говорила шепотом, стараясь изо всех сил держать себя в руках.

– Марин, но я же объяснил. – Олег Ильич отвечал тоже шепотом, утробным, похожим на гул шмеля.

– Ты врешь! Ты снова все врешь, подонок, негодяй.

– Я клянусь тебе, я ездил посмотреть стройматериалы – почему они здесь, а потом заехал в мебельный магазин, ну, тот, который на площади.

– Какая может быть мебель в этой дыре?

– Нормальная – немецкая и потом эта... румынская тоже...

– Сбежал как вор – один, пока я спала.

– Но ты сама решила прилечь отдохнуть после обеда. Я же не виноват, что ты заснула. А мне не спалось. Я решил проветриться, сел на машину и поехал в город за...

– А, да, ну, конечно, плашки смотреть и плинтуса, паркет.

– Паркетную доску. Тут значительно дешевле.

– Дешевле? А в магазин белья зачем заезжал?

– В какой еще магазин белья? – Олег Ильич поперхнулся.

– В какой? А стринги красные новенькие с этикеткой? Стринги – трусы нулевого размера? Смотри мне в глаза! – Марина Ивановна дернула мужа за рукав его дорогой модной куртки. – Думал, я их не найду?

– Ты рылась в моих вещах?!

– Я тебе свитер хотела достать, который мы в Финляндии купили, сам же, скотина, на сырость по вечерам жалуешься. Открываю чемодан, а там – батюшки-светы – опять. Стринги красные, кружевные, новехонькие совсем, с этикеткой, а там штамп здешнего магазина городского. Ты, значит, опять за свое?

– Марина!

– Я тебя спрашиваю: ты опять за старое взялся? Дома только-только уладила все, рты позатыкала, денег сколько насовала, чтобы молчали, не возникали. Ведь в прокуратуру на тебя писать хотели, это ж было бы дело уголовное.

– Почему сразу уголовное?

– А ты как думал, дурак? Ей сколько лет, этой сучке, забыл? Ей тринадцать лет всего.

– Но ты же сама не возражала, чтобы она жила с ними у нас! – Олег Ильич повысил голос.

– Я не возражала потому, что нам горничная нужна была, и повариха, и садовник. А эти Агапченко – муж и жена, и брались у нас работать, и в оплате мы с ними сошлись. А дочь к ним погостить приехала из этих самых ихних Шахт. Что я скажу: нет, пусть ваша дочь не приезжает? А ты... дурак... ты каким местом думал, когда ее в постель к себе тащил? Каким местом?

– Да она сама шлюха хорошая, я же объяснил тебе, как все вышло.

– Позора-то сколько, господи. Едва на всю Николину Гору не ославились. Там какие люди живут, ты вспомни. Там члены правительства живут, артисты, шишка на шишке. Сколько мы усилий потратили, чтобы участок там купить, дом загородный построить. Ведь если бы эта история с тринадцатилетней шлю... девчонкой той несовершеннолетней выплыла наружу, от тебя бы все как от прокаженного шарахались.

– Так уж бы и шарахались. Ты преувеличиваешь, Марина.

– Дурак, – выпалила Марина Ивановна с ненавистью, – навязался на мою голову дурак, остопоп. Я ее матери, горничной нашей, шестьдесят тысяч заплатила, золотое кольцо отдала, девчонке – кулон. И все, чтобы твои козлиные шашни покрыть. А ты и здесь за свое? Ты для кого эти стринги купил нулевого размера?

– Слушай, оставь, пожалуйста. Ну ладно, признаюсь. Я равнодушен к красивому женскому белью. После мебельного заглянул туда. Хотел тебе что-то...

– Мне?

– Подарок. Но там ничего достойного тебя не было. А эти... тряпочка-то эта красненькая...

– Нет, а для кого ты их купил? Здесь – кому? Они вроде как ни на одну здешнюю задницу не налезли бы. – Марина Ивановна на секунду задумалась. Внезапно лицо ее покрылось красными пятнами. – Ты что... ты что, скотина, ты для нее эту дрянь купил?

– Марин, я – нет, ты что... да что ты такое себе вообразила? – По тону Олега Ильича было видно, что он трусит.

– Да я по лицу твоему вижу. Все вижу. Для нее, значит. Ах ты, мерзавец! Да ей же всего восемь лет. Она ж ребенок... дитя совсем несмышленое... Даша... Да ее мать, Ольга, она ж тебя... она ж за свою Дашку тебя пополам...

– Что ты все выдумываешь? При чем тут девчонка Борщаковой?

– Да при том, что... А, я помню, я видела, как ты глазел на нее в холле. Я подумала, что ты на эту навороченную дуру Идку пялишься... Но она ж старая для тебя, ей тридцатник, а тебя, козла, ведь все девчонки, лолитки, младенцы возбуждают.

– Заткнись! Или я тебя...

– Что, что ты меня?

– Или я тебя сейчас ударю, – прошипел Олег Ильич.

– Только попробуй. Только посмей у меня. Чтобы сегодня же выкинул эту красную дрянь из моего номера. Слышишь? Я спрашиваю тебя – слышишь?

– Хорошо, сегодня же их не будет.

– И чтобы я даже рядом тебя не видела с девчонкой Борщаковой. На пушечный выстрел чтоб не смел к ней подходить.

Глава 7

ПРОВАЛ

Военные машины оккупировали шоссе. К полудню их стало больше. Солдаты повзводно углублялись все дальше в лес. Намного больше стало и сотрудников милиции. Кинологи с собаками шли по берегу реки. Лай овчарок слышался и со стороны Горелого оврага. Крутые обрывистые склоны оврага прочесывали осторожно, но чрезвычайно тщательно – здесь все надо было осмотреть до наступления темноты.

Возле группы сотрудников милиции, только что закончивших осмотр заливных лугов, фермы и старого элеватора, остановилась бело-синяя «Волга» с мигалкой. За рулем сидел подполковник Поливанов – начальник местного Двуреченского отдела милиции.

– Ну, как тут у вас дела? – спросил он хмуро.

Выслушал доклад: участки отработаны, позитива нет.

– Где Шапкин со своей группой?

– Он в Юбилейном, решил осмотреть все там сам.

Поливанов все так же хмуро кивнул. Четверть часа назад он созванивался по телефону с военными. Прочесывали территорию они добросовестно, но у них пока не было ничего обнаруживающего. В самом Двуреченске результатов тоже не было. Там с утра начали с вокзала, с пригородных поездов, участковые инспектора и оперативники обходили дом за домом, улицу за улицей. Проверялись дворы, подвалы, старые гаражи, чердаки. На поиски был брошен почти весь личный состав. Но количество так и не перешло в качество.

«Завтра придется вызывать водолазов и с катером надо будет что-то решать, изыскивать, – размышлял подполковник Поливанов, направляясь к Юбилейному. – И, конечно же, школа. Еще раз нужно переговорить с учителями и с учащимися. Информация-то у нас крайне скудная. Но может, сейчас там, в Юбилейном, что-то обнаружится?»

Район Юбилейный был прибрежным, речным. Здесь недавно построили платный понтонный мост, чтобы разгрузить пробки на мосту Центральном, соединяющем обе части города – старую, собственно «город», и частный сектор. Тут до сих пор еще вдоль набережной сохранились дебаркадеры – дощатые двухэтажные бараки, называемые в Двуреченске «поплавками». В «поплавках» размещались общежития и коммуналки. Дебаркадеры давно обветшали, но сносить, очищать от них реку в Двуреченске как-то не спешили. Не очень рвались приводить в порядок и соседнее Подгорное. Шли слухи, что городская администрация выставляет этот участок на аукцион. Место было неплохое – в черте города, с видом на реку. Только вот горожане его недолюбливали. В разные годы городская власть пыталась что-то сделать с этим местом. В середине шестидесятых здесь на пустыре разбили футбольное поле, поставили ворота, планировали организовать стадион. Но после того, как в роще рядом с полем в окопах, оставшихся с войны, досужие мальчишки нашли неразорвавшуюся мину и притащили ее с собой, бросив под трибуну, и она ахнула (никого не убив по счастливой случайности), с физкультурой и спортом в этом месте совсем не заладилось.

Окопы и полуразрушенные блиндажи проверяли саперы, и каждый раз что-то находили – патроны, осколки снарядов. Подполковник Поливанов сам родом не из Двуреченска, но военную историю Юбилейного-Подгорного знал, как и все местные, хорошо. Во время войны вся эта территория – берег реки, роща, Грачиная пустошь, – все было опутано колючей проволокой. По слухам, абвер здесь строил свою диверсионную школу, но развернуться так и не успел. Отступая, немцы взорвали постройки. От взрыва уцелел лишь «провал» – так впоследствии в Двуреченске называли бетонный бункер, о назначении которого жители впоследствии терялись в догадках. Странное было сооружение – что-то похожее на штольню, уходившую почти

отвесно под Зяблинский холм. Вроде бы бомбоубежище, и вместе с тем не совсем бомбоубежище. Поговаривали, что это часть задуманной немцами ставки-бункера для высшего командования рейха в ходе наступления на Москву.

А уже после войны, в сорок восьмом году, «провал» стал центром весьма мрачной и загадочной истории, о которой до сих пор в Двуреченске помнили, но болтать о ней чужим не любили, остерегались. Отголоски этой истории доходили и до подполковника Поливанова. Проезжая дебаркадеры, он вспомнил заседание совета мэрии, на котором обсуждали предложение засыпать «провал», навсегда прекратив туда доступ. Предложение было внесено председательницей комиссии по делам несовершеннолетних, но, увы, завязло в комментариях и предложениях. Стали мусолить вопрос со всех сторон: почему только «провал», а как быть со старыми окопами и блиндажами, их что, так и оставить зиять? А со свалкой что делать? Кем будет профинансирован вывоз мусора? И самое главное, куда его вывозить, не за реку же на территорию заказника? Попытались провести все в комплексе по смете, но быстро поняли, что в бюджете города на это средств нет. И вопрос заглох сам собой.

И вот он, возможно, аукнулся так, как в Двуреченске и не ждали.

«Если, не дай бог, ОН сунулся в провал, сорвался и разбился, то прокуратура этого так не оставит, будет искать виноватого, – думал Поливанов. – Дорого нам обойдется то заседание, на котором мы так ничего и не решили».

Бело-синяя «Волга» свернула с шоссе в рошу, тронутую первыми красками осени. Подполковник Поливанов вышел. Под ногами было сыро, пружинила палая листва, глушила шаги. Тут и там из земли торчали ржавые жестянки, битое стекло, в кустах громоздились рваные полиэтиленовые мешки с мусором. Слева начинался овраг – вот во что превратились с годами размытые дождями окопы. Тут было не проехать на машине. А ведь место это было всего в двухстах метрах от Юбилейной набережной, от «поплавок», от булочной и винного магазина! Все здесь выглядело запущенным, заросло кустами, лебедой да бурьяном.

Возле глинистого склона Зяблинского холма, возвышающегося над рекой, подполковник Поливанов увидел милицейский «газик» и оперативников. Двое держали в руках крепкую веревку. Конец ее уходил куда-то вниз. Только приглядевшись, можно было рассмотреть среди пожухлой травы, кустарника и вороха палых листьев что-то похожее на бетонный бордюр, на окантовку старого заброшенного колодца. Когда-то под землю вела крутая бетонная лестница с железными перилами, но от взрыва она разрушилась, и спуститься в бункер-«провал», не рискуя поломать себе ноги, можно было теперь только с помощью веревки.

– Ну что? – спросил Поливанов, подходя. – Как тут у вас?

– Видимых следов присутствия не обнаружено. Вещей тоже никаких, – ответил тот из оперативников, чьи руки не были заняты веревкой.

– Шапкин?

– Он там, – оперативник показал себе под ноги.

– Один?

– Мы одного-то его еле спустили. Как бы грунт не обвалился.

– Значит, лично решил проверить, слазить туда? – Поливанов приблизился к провалу, присел.

Снизу дохнуло сыростью и плесенью, прелью и какой-то затхлой вонью, точно из разрытой могилы.

Поливанов оглянулся на коллег. Лица их были угрюмы. Что ж, торчать тут радости мало. Все они местные, двуреченские, а значит, еще пацанами слышали все, что болтают досужие языки об этом месте. А то, что мы слышим в детстве, крепко, ой как крепко западает в память. Порой даже против нашего желания.

– Роман! – крикнул Поливанов, приложив руку ко рту.

Тишина. Только шум желтеющей листвы над головой. Только треск милицейской рации.

– Шапкин! Что-нибудь есть? Нашел? – Подполковник Поливанов уперся в осклизлый от сырости бетон, нагнулся еще ниже. У самых его глаз из глины выпросталась какая-то членистоногая шустрая дрянь – то ли червяк, то ли сороконожка. Заскользила извиваясь, явно нацеливаясь на рукав форменного кителя. Поливанов сморщился от отвращения. Ну, точно похоже на могилу, и вот даже черви наружу прут.

– Рома! Вылезай оттуда! – крикнул он громко, тревожно.

Снизу откликнулось глухое эхо. Вербка в руках оперативников натянулась. Послышался шорох осыпающейся глины. Оперативники начали тянуть веревку на себя, помогая тому, кто внизу начал свой долгий подъем по разрушенной лестнице. Поливанов поднялся и отошел, чтобы не мешать им, дать простор маневра.

– Взяли, ну-ка на себя, тащи! Помоги ему!

– Ничего, я сам, – послышался из-под земли голос.

Из провала с усилием вылез измазанный с ног до головы глиной человек. Мокрый и грязный, он тяжело дышал. Он был выше Поливанова и шире его в плечах. Увидев начальство, попытался стереть с лица грязь, но только хуже размазал.

– Ну? Рома? – напряженно спросил Поливанов.

– Там его нет. Слушайте, дайте закурить, а? – Человек из «провала» никак не мог отдышаться.

Один из оперативников зажег сигарету и вставил ему в рот.

– Баклагу с водой принеси, она там, в багажнике. – Человек из «провала» затаился с наслаждением. – Я хоть руки ополосну.

– Значит, все проверено и никого и ничего не найдено. – Поливанов покачал головой. – Ну, слава богу. В этой яме проклятой...

– Его там нет. Но кое-что я там нашел. – Куривший по фамилии Шапкин полез в нагрудный карман мокрой и грязной куртки. Вытащил какой-то предмет – тоже весь в глине.

– Что это? – спросил Поливанов подозрительно.

Притащили пластиковую пятилитровую баклагу с водой. Шапкин подставил руки под струю. Грязь смылась, и что-то блеснуло в лучах сентябрьского солнца.

– Это еще что такое? – повторил Поливанов.

– Это было там, внизу, – ответил Шапкин.

На его ладони лежал осколок зеркала – острый, удлинённый, похожий на лезвие. Зеркальная гладь помутнела от времени, но все еще отражала мир. Поливанов увидел в осколке зеркала порыжелую листву, погон, нашивки, форменные пуговицы, а потом и свое лицо. Всегда родное, привычное, сейчас сплющенное, замутненное, искаженное отражением, оно походило на какую-то уродливую харю.

Глава 8

ИДА

– А вообще-то здесь мало сейчас отдыхающих, – сообщила со вздохом Анфиса, провожая взглядом удаляющуюся по аллее чету Зубаловых. – Вот они двое, потом еще Ида. Я тебя с ней познакомлю, она ничего – приятная, только с вывихом и воображает о себе много. Были мы еще с Костей, но от нас, как видишь, половина осталась, даже одна треть. А так в основном иностранцы сплошные. Французы, немцы. Туристические группы, сегодня утром только автобусы уехали. Дальше куда-то подались, а куда, не сказали.

– Ты забыла бабушку с внучкой, – сказала Катя.

– А это Ольгины, это здешние домашние, а не постояльцы. Дочка Ольги Борщаковой – хозяйки всего этого царства, – Анфиса обвела рукой номер. – Даша ее зовут, и Маруся Петровна – тетка, но Ольга мне говорила, что лучше родной она для них.

– И они что же, живут недалеко от отеля?

– Они здесь сейчас живут. И сама Ольга тоже. Временно. У них в городе дом, еще муж ее покойный строил. А там сейчас какой-то ремонт глобальный, газ подводят стационарный, систему отопления делают. Ольга жаловалась – стены пробили, холод собачий, отовсюду дует. Вот она и устроилась с семьей пока тут.

– Девчушка какая забавная. А почему она не в школе?

– Так у них еще напасть одна – скарлатина. Даша заболела перед самым 1 сентября, и пока врач школу посещать ей не разрешает, это что-то вроде карантина. Кстати, ты в детстве болела скарлатиной?

– Болела.

– И я болела. Это уже лучше, а то она привязчивая. А Костя мой не болел. Он вообще ничем никогда не болел, он такой здоровый...

Пауза наступила в разговоре. Анфиса поникла темной кудрявой своей головой.

– Адски хочется есть, Катя. Здесь полупансион, шведский стол отличный, русская, европейская кухня. Но ведь это только завтрак, ужин. А обед пролетает. А есть зверски хочется. Мы с Костей, пока жили, пока он не... уехал... – Анфиса запнулась. Она каждый раз спотыкалась на имени Лесоповалова. – Мы на моторке катались, потом то шашлыками, то барбекю закусим – тут повар что надо, и порядок. А вчера я, как одна осталась, даже про ужин забыла. И завтракала сегодня скверно. Так что...

– Ладно, давай пообедаем, только где? – Катя была на все готова, лишь бы отвлечь подругу от грустных мыслей. Вкусный обед всегда поднимал Анфисе настроение.

– Только ты не подумай, что у меня опять этот самый неконтролируемый жор начался, – испуганно сказала Анфиса.

– Неконтролируемый что?

– Ну обжорство мое патологическое, – Анфиса скосила глаза вниз на живот. – Вот в чем главная причина, Катя. Вот почему он меня бросил. Я некрасивая, жирная, неповоротливая колода.

– Анфис, ты знаешь, я этого твоего самобичевания не выношу.

– Но это же правда. И самое главное – это мое безволие полнейшее в вопросе питания и диеты. Мой пофигизм по поводу внешности. Мне давно уже пора делать себе липосакцию.

– Чего?

– Жир срезать лишний, вакуумом отсасывать. Ида мне обещала адрес хорошей клиники косметологической дать.

– Эта твоя здешняя знакомая? Она что же, делала себе липосакцию?

– Ей не нужно, у нее фигура идеальная. Глаз нельзя отвести – вот как она себя держит. Затянется в корсет, вся как рюмочка, талия, ты не поверишь, как у шестнадцатилетней девчонки. А ей ведь за тридцать уже.

– Она одна здесь отдыхает?

– Одна. Она не замужем.

– А для чего тогда липосакция? – усмехнулась Катя.

– Так она ее себе и не делала. И то, что она одна тут – это еще ничего не значит. Когда французы тут были в отеле, знаешь, как они все шеи себе сворачивали, когда она в ресторан входила? А этот, главный здесь, управдом Хохлов Игорь, даром что у него вроде как шуры-муры с самой Борщаковой, и тот на Идку вечно уставится как вампир и только облизывается.

– Про управдома я что-то не поняла, Анфис.

– Это сотрудник Ольги, менеджер, начальник над всеми горничными, поварами и охранниками. И насколько я успела заметить за эти дни, в планах у него не только карьерный рост, но и устройство личной жизни. Ольга-то Борщакова вдова. И вдова богатая, как видишь. А он ее почти на двадцать лет моложе.

– Сколько всякой информации ты успела собрать в такой короткий срок, – восхитилась Катя.

– Это я таким способом развлекалась и отвлекалась. От наших семейных с Костей проблем. А ему на все эти сплетни начихать было.

– Ну конечно, Лесоповалов разве снизойдет до всей этой бабской муры, – Катя махнула рукой. – Брось, Анфис. Есть с чего переживать так? Уехал и уехал. В Москве встретитесь, все встанет на свои места. Жена – держу пари – ему за это время так обрыднет, что... Вернется он к тебе, как миленький, ты только рохлей-то не будь. И сразу его, дрянь такую, не прощай, а то я тебя знаю – моментально растечешься, носом захлюпаешь: «Ах, милый, ах дорогой». А ты построже с ним, когда вернется. Пусть побегает за тобой, чтобы не думал, что это так просто – снова заслужить твою любовь.

– Он орден Мужества на Кавказе заслужил, – Анфиса гордо выпрямилась, точно этот самый орден украсил ее пышную грудь. – А откуда у тебя такие сведения? Ну, что он вернется ко мне?

– Будь спокойна, из самого надежного источника. От моего мужа.

– От Вадика? Но...

– Он психологию таких, как Лесоповалов, сечет лучше всякого доктора Фрейда. Он сам такой, Анфис.

– Он не такой, – Анфиса покачала головой, – твой Вадик совсем другой.

– Пусть будет по-твоему, кто спорит. Так где мы будем обедать и чем? На воздухе у мангала шашлыком?

– Шашлыков сегодня не дождешься. Французы уехали. А для нас, оставшихся, они мангал зажигать не будут. Поедем в город, а?

– Я, между прочим, только что из города, с вокзала.

– Да, я как-то об этом не подумала, прости.

– Нет, – заторопилась Катя, – давай махнем, что тут сидеть? Окрестности ты мне потом покажешь, вечером. Только мне надо душ с дороги принять и переодеться.

На пороге ванной она оглянулась.

– Знаешь, Анфис, а тут что-то стряслось.

– Где?

– Здесь, в Двуреченске. И это выглядит как-то не того. Зловеще.

И Катя коротко рассказала об увиденном на дороге «под радугой».

Анфиса слушала рассеянно.

– Может, дезертира вооруженного ищут, – предположила Катя, – или кто-то из тюрьмы сбежал. Хотя нет, не похоже.

После душа она почувствовала себя бодрой и отдохнувшей. И тревожные мысли как-то сошли на нет. Они с Анфисой спустились на первый этаж.

Холл – просторный, пустой, выглядел сумрачным даже в этот солнечный день. Мебель была новенькой – кожаные кресла и диваны. В кресле перед холодным камином из красного кирпича Катя увидела молодую женщину. Она обернулась на шум их шагов.

– Ида, чао, – окликнула ее Анфиса. – Вот познакомься, это Катя, моя лучшая подруга, она приехала сегодня ко мне.

Ида протянула Кате изящную руку. Она вся была изящной – стройная шатенка небольшого роста. Блестящие волосы до плеч тщательно подвиты и уложены феном. Лицо ее было слегка удлинненным – тонкое с правильными чертами. Она была искусно подкрашена. На белом матовом лице рдели губы, ярко обозначенные красной помадой. Макияж казался излишне пафосным и нарочитым. Ида (позже Катя узнала и ее фамилию – Шилова) всем своим обликом явно пыталась стилизоваться под кого-то. На ней был черный кашемировый свитер и черные брюки клеш, но выглядело на ней все это – вот странность – почти как вечернее платье. Позже Катя поняла, кого ей напоминает эта женщина – вычурных голливудских красоток 40-х годов. Весь ее вид выпадал из общего расслабляющего, располагающего к отдыху антуража «Валдайских далей» и одновременно неудержимо привлекал к себе взор. Катя поймала себя на мысли, что от этой «ряженой» у нее невольно поднимается настроение, как будто она только что посмотрела классное старое черно-белое кино.

– Ты совсем, мать, сегодня как Дита фон Тиз, – хмыкнула Анфиса. – Неужели это здесь в салоне тебя так завили?

– Обижаешь. Это я сама. Все утро в обнимку с феном и термобигудями. Делать-то совсем вроде нечего. – Ида улыбалась. – Ну, здравствуйте, здравствуйте, Катя. Как там погода в Москве?

– Дожди шли.

– Тут тоже лило как из ведра. У меня машина на дороге в грязи завязла. – Ида состроила гримаску. – Я на машине сюда рванула. А потом сто раз пожалела. Представляете, у меня колесо спустило. Я не знала, за что хвататься. И тут подруливают какие-то гаишники. Я думала – оштрафуют, сама не знаю за что, с них же станется. А они: «Девушка, давайте мы вам поможем». И поставили мне запаску. И даже до автомастерской ближайшей меня сопроводили. Такие обаятельные, молодые, раскокетничались со мной всю дорогу.

Катя глянула на Анфису. Выражение ее лица было кислым: «Видишь, как она о себе мынит», – словно говорила она.

– Ты их всех наповал сразила. Это ведь на въезде в Торжок с тобой приключилось. Они ж торжковские – таких, как ты, и не бачили никогда.

– Анфиса, я просто не ожидала, честное слово. Оказывается, свет не без добрых...

– Гаишников, – подытожила нетерпеливо Анфиса. – Слушай, Ида, раз тебе все равно нечем заняться, прокатай нас в город с Катей и сама с нами проветришься.

Ида пожала плечами. Потом улыбнулась. Глянула на Катю.

– Анфиса как дитя, – сказала она. – Ну хорошо. Только помнишь, ты мне вчера зарок дала – сладкого и жареного не есть.

Через четверть часа они уже катили на ее «Шевроле». Собственно, до центра Двуреченска было рукой подать, можно было и пешком прогуляться – по берегу реки, потом по улочкам, застроенным деревянными домами с огородами, затем через мост, и вот уже перед вами и центральная площадь, и вокзал, и театр, и даже городские бани.

– Совершенно патриархальное городишко, я его уже весь облазила. – Ида вела машину как профессионал. – Я ведь случайно сюда попала. Нас на работе ни с того ни с сего в неопла-

чиваемый внеочередной отпуск выперли. Приходим утром, а нам шеф объявляет – гуляйте пока что. Наверное, по возвращении надо будет новое место себе искать.

– А вы кто по профессии? – спросила Катя.

– Я экономист, а фирма наша занимается поставками канцелярских принадлежностей и бумаги из Финляндии. Но, видно, что-то там у шефа не заладилось. Да я и не в претензии, такая скука на работе. – Ида покачала головой. – Сидишь с утра до вечера. Все сплошь на «одноклассниках» торчат, а я это просто ненавижу. Отпуск гробить в Москве тоже, знаете, радости мало. Наткнулась в Интернете вот на этот пансионат. Сайт впечатляет. А что, думаю, – Валдай, никогда не была на Валдае, цены вроде тоже по карману. Села и поехала. Буквально в один вечер собралась.

– Ты же сказала, что взяла три чемодана с вещами, – хмыкнула Анфиса.

– Я надеялась – тут бархатный сезон в разгаре. Вечера, танцы, дискотека. В Интернете знаешь как все расписано – любимое место отдыха иностранцев, состоятельных людей из-за границы. Фотографии.

– Это я Ольге снимки делала и сайт помогала оформлять, – гордо призналась Анфиса. – Значит, не зря трудились, реклама работает, раз тебя, Идочка, зацепило.

– Да я не в обиде совсем, просто скучно здесь.

СКУЧНО... Катя уже слышала это слово не раз и не два. Здесь скучно... Там скучно... Скучно везде, где мы есть, весело только там, где нас нет. Странно, после увиденного на дороге ей казалось, что... Тут будет что-то другое, что-то совсем-совсем другое. И это ДРУГОЕ заставит надолго проститься со скукой. Но и с весельем тоже.

– Что-то многовато милиции сегодня, – сказала Ида. – Раньше я на улице их и не замечала здесь. А сегодня вон смотрите – мент на мотоцикле. И там еще, и вон там, на углу.

Они проехали мимо городской школы. Школьников во дворе было не видно, зато у ворот стоял милицкий «газик». Внезапно из здания школы вышли две девушки-старшеклассницы с толстой пачкой каких-то распечатанных листов – то ли плакатов, то ли объявлений.

– Пообедаем в «Колокольчике», – предложила Анфиса. – Это на центральной улице лучший здешний ресторан. Есть еще пиццерия и кофейня, но в «Валдайском колокольчике» вкуснее. И сытнее.

Ида усмехнулась в зеркальце заднего вида и укоризненно покачала головой.

– Только сначала, девушки, вот в этот магазин заглянем, мне колготы надо купить и новые гольфы, – сказала она, останавливая машину на углу возле желтого купеческого особняка, на первом этаже которого располагался магазин «Женская одежда».

Они зашли в магазин – Катя больше из женского любопытства: а чем торгуют в этом самом Двуреченске? Но не успела она осмотреться, как следом за ними в магазин вошли те самые старшеклассницы, виденные во дворе школы.

– Тетя Зоя, вот, если можно, повесьте у себя на двери, – одна из них протянула стоявшей за прилавком продавщице листовку-плакат.

– Конечно, давайте, сейчас все сделаю. А это для кого? – спросила продавщица.

– Это везде, где можно, раздадим – и в аптеке повесят, и на почте, и в продуктовом, и в банке, а это вот для городской доски объявлений. А что останется, будем расклеивать где придется, на стенах, на фонарях, – школьница тряхнула пачкой, – может быть, кто откликнется.

– Может, и правда кто-то что-то видел – позвонит, тут ведь и телефоны указаны, да? – Продавщица разглядывала листовку. – Горе-то какое, а? И как такое только возможно – здесь у нас, среди бела дня.

– Простите, а что произошло? – спросила Катя. – Мы отдыхаем тут у вас. Что-то случилось, да? На дороге милиция и солдаты. И тут в городе тоже...

– Мальчик пропал, – ответила продавщица. – Сынок Уткина Кирилла Кириллыча – завуча школы.

– Пропал ребенок?

– У меня самой двое сыновей, оба там же учатся, один в седьмом, другой в девятом. А этот из второго класса. Вот, – и продавщица протянула Кате листовку, отпечатанную на ксероксе.

Глава 9

ГАЛЛЮЦИНАЦИЯ

– Моторка готова, снасти у вас с собой или напрокат наши возьмете?

Вопрос про «снасти» застал Алексея Половца врасплох.

Разговор происходил на базе «Елманова падь», куда приезжали поохотиться и порыбачить. База находилась в двенадцати километрах от Двуреченска, и в самом городе ее звали «охотничьим клубом», хотя на элитный клуб «Падь» не очень-то тянула: бревенчатая избушка лесника, гостевой домишко с печкой, да русская баня – вот и все удобства. Но зато все это на берегу реки. А в дополнение – крохотная пристань, где у того же лесника можно взять напрокат моторку для рыбалки.

Алексей Половец был тот самый «парень из джипа», которого Катя видела утром по приезде беседовавшим с хозяйкой аптеки Анжелой Харченко. Джип впечатлил Катю гораздо больше его владельца. Одного только Катя пока еще не знала. По пути в Двуреченск Алексей Половец дважды менял у джипа номера. В недалеком прошлом машина принадлежала известному на всю страну футболисту, была угнана из охраняемого подземного гаража в центре столицы и числилась в розыске.

– Чего, мил человек, решил насчет снастей-то? – этот вопрос задал Половцу уже не лесник, а его отец – старик, выполнявший при базе работу истопника, столяра, а иногда и банщика.

В первый же день, когда Половец приехал в «Елманову падь», старик, поддав по случаю субботы, от души предложил попарить гостя на славу. Баню Половец велел топить, но от услуг банщика наотрез отказался. Он не хотел, чтобы старик узрел на его теле наколки. Наколками своими в определенные моменты жизни Половец гордился – сколько труда было положено, сколько боли вытерплено, чтобы соорудить на спине и на груди все эти «картинки». Но сейчас являть всю эту тюремную красоту было лишним чужому глазу.

– Так и быть, дед, возьму ваши удочки напрокат, – сказал Половец старику. – Киньте в моторку.

Он вошел в гостевой дом, где занимал комнатку с подслеповатым окошком. Надел болотные сапоги, куртку. Поправил под курткой кобуру. Проверил и пистолет: все ли в порядке с предохранителем. После того как один из его корешков по кличке Шурка Сорняк по дури и по пьяни прострелил себе пах, Половец стал очень аккуратен с оружием. С пистолетом «ТТ» он в последнее время не расставался. Прогулка на моторке по реке пока не сулила ничего такого из ряда вон, но пистолет все же следовало взять с собой. На всякий пожарный.

Рыбачьих снасти, в принципе, были Половцу не нужны. До лампочки ему была вся эта вонючая рыба. Но для того чтобы не вызывать лишних пересудов, надо было косить под охотничка-рыбачка. Он пошарил в сумке и достал бутылку водки. Сунул в карман куртки.

Часы показывали пять вечера. Сентябрьский день клонился к закату. Посвежело, с реки тянуло сыростью и холодком. Но небо оставалось ясным, только золотистый свет дня сменялся мягкими сине-фиолетовыми сумерками.

Половец спустился к пристани. Сунул леснику деньги за прокат моторки. Сел в лодку. С мотором он умел обращаться – он был вообще на «ты» с любой техникой, даже с магазинной сигнализацией, даже с кодовыми замками и новейшими противоугонными системами крутых тачек.

Мотор взревел, и лодка, разрезая реку как нож, рванула вперед.

– Легче на поворотах! – крикнул ему вдогонку отец лесника.

Он, наверное, думал, что Половец направится куда-нибудь далеко – к Синему озеру или, может, еще дальше, в места, любимые рыбаками. Но у Половца не было таких планов. Он

правил на корме, оглядывая берега. Сосны, песчаник, а вон там болота. Лес уже весь в пятнах осени: красные ягоды рябины на фоне бурых стволов и оранжевой листвы. Темно-зеленая хвоя. И такая же темно-зеленая гладь реки. И никакого жилья, никаких следов человеческого присутствия.

Половец выключил мотор. Лодка покачивалась на воде. Тишина оглушала. Справа был заросший ольхой и камышами затон. Половец вытащил весла и направился туда.

Снасти так и остались лежать на дне лодки. Он даже не взглянул на них. Вытащил из кармана водку. Открыл, глотнул из горла. Потом глотнул еще и еще раз. По телу растеклось приятное тепло. В голове зашумело. Половец сидел, сгорбившись, на корме. Река тихо плескала в борт, словно нашептывая что-то. Над лесом рдел закат. В кустах пищала какая-то птица. Скоро она улетит в теплые края и, может быть, очоуруется в пути. А может, и вернется назад, сошьет новое гнездо, выведет птенцов. Птица-невеличка, безмозглая веселая потаскушка...

Половец снова глотнул из бутылки. И вспомнил ту, другую потаскушку из аптеки. То, что она шлюха, у него не было никакого сомнения. Все они потаскухи, все они шлюхи, бабы-подлюки, и все похожи одна на другую – и здесь, и там, и в Америке, и на Марсе, и в аду.

В аду, наверное, особенно. Перед глазами всплыли загорелой медузой ее груди. Те, что она так явно, так вызывающе демонстрировала ему там, в аптеке, в вырезе своей кофты. Как звать-то ее? Кажется, Ангела? Он попросил у нее таблетки от изжоги, а она дала их так, словно удивилась, что он так мало у нее попросил. Мог бы и большего попросить у этой сытой холеной бабы. Мог бы, и она намекала – взглядом, улыбкой своей – призывной, сучьей своей улыбкой, растягивающей накрашенные вишневым блеском губы. Мог бы, мог бы, мог бы все, да вот отчего-то не попросил. Ушел. Вернулся сюда, в этот лес.

Может быть, потому, что город, где они встретились, этот самый Двуреченск, не нравился ему? И дело, по которому он сюда приехал на краденом джипе с фальшивыми номерами, не нравилось ему?

Но ведь он уже обделывал такие дела. Причем настолько мастерски, что до сих пор к нему насчет этих дел ни у кого не было никаких вопросов. Никто ничего не сумел доказать, даже на подозрении его не держали. А все потому, что он знал, КАК ДЕЛАЮТСЯ ТАКИЕ ДЕЛА. Как ликвидируются улики и как заматаются все следы.

Но отчего же это дело – здесь, в Двуреченске, – вызывало в нем, как бы поточнее это сказать, оторопь, мандраж? Он ведь никогда не был трусом.

Половец снова выпил. Ангела из аптеки сразу обрела еще более весомые, зримые плотские очертания. Грудь у нее твердые и соски, наверное, коричневого цвета. А может, розовые. Ухватиться есть за что – погладить, размять в ладонях, как упругое тесто. А что, может, стоит вернуться в город, попытать счастья вечером? Пригласить ее для начала в ресторан – в этот здешний «Валдайский колокольчик», будь он неладен. Ну а потом уже все остальное по полной программе, смотря по обстоятельствам. Мужик-то у нее есть, интересно? Муж, хахаль? Вроде баба здоровая, не урод – должен быть. Может, алкаш какой-нибудь? Они все тут небось двуреченские алкаши...

Половец допил водку и запустил тару далеко-о-о-о! Насколько сил хватило. Бу-ултых! Вот так, порядок, все тип-топ. В голове шумело. И он прилег, вытянулся на дне лодки. Когда еще придется вот так лежать, зенки уставив в небо? Слушать эту долбаную тишину. Ждать...

Вода плеснула в борт. И раздался еще какой-то звук – Половец не понял, рыба, что ли, жирует на вечерней зорьке? Он скосил глаза – вроде что-то промелькнуло, он засек какое-то движение. Да ладно, кто может шмыгать, подкрадываться со спины? Ведь он же на воде. В лодке и далеко от берега.

Лодка покачивалась, как колыбель. Половец сложил руки на груди. Сыро, зябко, но хорошо, покойно, не суетно... Кобура впиалась в бок, и он передвинул ее на грудь. Нашупал под

курткой пистолет. Глаза слипались. Было такое ощущение, словно по векам скользила легкая кисть, смежая, склеивая ресницы...

Вода журчала у самого уха. Когда еще придется вот так лежать, расслабившись по полной, не вспоминая то, что сделано, не думая о том, что предстоит.

Лодка-колыбель качалась, кисточка невидимая ласкала. Где-то далеко кто-то наигрывал незатейливый мотивчик на губной гармошке, а может, это птицы пересвистывались в прибрежных кустах? Загорелые груди с коричневыми сосками, источавшие материнское молоко, пучились в небе как гроззовые облака. Манили, обещали, возбуждали безмерно. А потом они превратились в упругие ляжки, перетянутые кружевной резинкой черных чулок. Интересно, эта Ангела из аптеки сможет предъявить ему черные чулки? Сможет? Захочет? Даст? Даст или продинамит?

Половец снова слышал тот же странный звук: плеск, свист, едва слышный уху перелив губной гармоник. И ощутил тяжесть внизу живота. Он открыл глаза и...

Нечто сидело на нем верхом. Оседлав его. И это нечто было ребенком. Мальчиком лет восьми-десяти. Половец увидел тощую шею, белешую в сумерках, мокрые волосы, разделенные пробормом. Голова ребенка как-то судорожно подергивалась, он словно принюхивался, как принюхивается животное, учуяв что-то. Потом он алчно потянулся руками к Половцу. Вместо левой кисти у него была культя – гнилая мертвая кость с неровными краями торчала наружу. Половец увидел это, увидел его глаза, изъеденные червями, и закричал, как не кричал никогда прежде.

Он проснулся от своего крика. Он лежал в лодке. Вода плескала в борт. Вдали виднелись берега в сумерках.

Глава 10

СОКРОВИЩЕ

В «Колокольчике» заняли столик у окна. Анфиса взяла у официантки меню. Ида, увидев на скатерти пепельницу, достала из сумки сигареты с ментолом.

– Вот как оно бывает в жизни, – сказала она. – Был ребенок, и нет ребенка. Исчез.

– Принесите, пожалуйста, минеральной воды, – попросила Катя официантку.

У нее пересохло в горле. Она вспомнила, что с самого утра у нее не было во рту ни глотка. С чего это так кружится голова? От жажды, что ли? И висок ноет. Катя ощутила боль в виске, как только взяла там, в магазине, ксерокс с отпечатанной фотографией мальчика. Под снимком была надпись: «Ушел из дома и не вернулся Миша Уткин, восьми с половиной лет, был одет в синие спортивные брюки, синюю ветровку и клетчатую рубашку. Всем, кто располагает какими-либо сведениями, огромная просьба позвонить по телефону...» Номер телефона был явно местным. А лицо мальчика... Катя запомнила его сразу, сработал чисто профессиональный инстинкт. Темные глаза, темные волосы, темные брови, стрижка с челкой, улыбка... На снимке Миша Уткин беззаботно улыбался, демонстрируя щербинку в верхнем ряду зубов: молочные братья уступали место коренным.

Что же стало причиной этой вонзившейся в висок иглы – боли? Эта расплывчатая фотография или улыбка на ней – такая детская, щербатая и беззащитная?

– Когда он пропал? При каких обстоятельствах? – спросила Катя там, в магазине. Хотя кого было спрашивать? Продавщицу или этих девчонок-школьниц?

– Вчера утром. Они с отцом собрались в гости к бабушке, она в Елманове живет, это за охотничьей базой. Пока автобус ждали до Елманова, отец – он завуч у нас в школе, а скоро и вообще директором станет – на рынок отошел продуктов купить, вчера же воскресенье было, рынок большой. Мишу оставил на остановке, а вернулся через несколько минут, его уже там не было, – затараторила одна из школьниц.

– Может быть, один уехал на автобусе к бабушке? – предположила Анфиса, разглядывая вместе с Идой снимок.

– Звонили, ездили уже в Елманово, нет его там, не появлялся. Мы в школе объявления делаем, чтобы расклеить везде. И в Интернете тоже, может, кто откликнется.

– Для Уткина-то беда, – покачала головой продавщица. – Сын ведь ему, не кто-нибудь. Вот беда-то, откуда и не ждали...

Беда... От этого коротенького слова уже нельзя было отмахнуться.

Даже в гостеприимном простецком «Колокольчике Валдая» нельзя было отгородиться от этого слова, невозможно было заслониться меню, заесть все это пожарскими котлетами, салатом «Валдай» и запить медовухой и белым вином.

– Вам, Катя, дым не мешает? – спросила Ида.

– Нет, ничего.

– Да, каково-то сейчас его родителям. – Ида тронула ярко накрашенные красной помадой губы мизинцем. – Пропал теперь мальчишечка.

– Найдется, – возразила Анфиса. – Он мог просто удрать из дома. Мало ли... Они ужасно озорные и самостоятельные в этом возрасте.

– Мал он еще для озорства. – Ида курила. – Значит, вот почему все тут на уши встали.

– Катя, ну скажи ей, что... Скажи, что так бывает – дети теряются. Их ищут. – Анфиса отложила меню. – С ними все нормально, они живые, просто... Ну так бывает, случается. Потом они находятся. Скажи же ей!

– А что, вы, Катя, работаете в бюро находок? – усмехнулась невесело Ида.

– Я в милиции работаю, – ответила Катя. – А насчет того, что ты говоришь, Анфис, к сожалению, бывает по-разному.

– И тут, в городе, это самое «разное», кажется, уже имеют в виду, – заметила Ида, – судя по тому, сколько солдат нагнали и ментов... Уж простите, Катя, но так ваших коллег все сейчас называют. Вот я и говорю, сто раз еще подумаешь, прежде чем решишься ребенка родить. Сто, тысячу раз. Даже если найдешь, от кого рожать, если все у этого донора-производителя в порядке будет и с мозгами, и с наследственностью, и со счетом в банке. Я не права, Катя?

Катя лишь пожала плечами. Висок ныл, не утихал. Она вспомнила, что до сих пор еще не звонила «Драгоценному». «Ладно, позже, вечером, ему позвоню, слава богу, что с Анфисой все в порядке, остальное же...»

За окном ресторана пронеслась на всех парах сине-белая милицейская «Волга». Никто и не думал загораживать ей путь, препятствуя проезду, движение на центральной улице Двуреченска, носившей название Валдайский проспект, было тихое, размеренное, но тем не менее «Волга» полыхала «мигалкой» и оглушала сиреной.

Вой сирены стал как бы сигналом и одновременно высшим градусом разлившегося в воздухе над Двуреченском напряжения.

И это напряжение докатилось и до «Валдайских далей». По возвращении в отель первое, что Катя, Ида и Анфиса увидели во дворе у подъезда, была та самая «Волга». В холле возле рецепции стоял низенький кругленький как шар подполковник в помятом мундире, в сдвинутой на затылок фуражке и беседовал с управляющим Игорем Хохловым. Потом Катя увидела подошедшую к ним полную блондинку лет пятидесяти в черном деловом костюме и белой блузке. Это была Ольга Борщакова.

– Не беспокойтесь, Аркадий Фомич, – сказала она громко и властно. – Всем скажу, сама прослежу, все наши из охраны примут участие в поиске. Мы никогда помочь не отказываемся. А раз такое дело серьезное – в особенности. Все пойдут, вот во главе с Игорем, – она кивнула на Хохлова.

Заметив Анфису и Катю, она направилась к ним. Подполковник милиции (а это был Поливанов) продолжил разговор с Хохловым.

– Добрый вечер, милости просим к нам, Екатерина Сергеевна, – Борщакова приветливо улыбалась Кате. – С приездом. Как устроились? Номер понравился? Анфиса Марковна, ты молодец у меня, – повернулась она к Анфисе, – помогаешь с клиентурой. Такие фотографии мне сделала для прошлой выставки по туризму, загляденье. Со мной сразу австрийцы договор на лето заключили. И вот французы тоже приехали. А вот москвичей что-то маловато, увы. Лучше в какую-нибудь Финляндию закатятся, комаров кормить. А чем у нас тут не Финляндия, а?

– Комаров и у вас летом, наверное, до фи́га и больше, – вставила Ида.

– А вы, Идочка, себя кремиком, лосьончиком, парфюмчиком. А что до нас – мы люди привычные. Зато воздух-то какой? Река. А закаты тут какие! А рыбалка? Вон Анфиса со своим мужем приехала, я думала, муж-то на рыбалке с утра до ночи пропадать будет.

– А он взял и слинял, – Анфиса понурилась.

– Ну и черт с ним, Марковна. – Ольга Борщакова погладила Анфису по плечу. – Я, по правде сказать, боялась, что и ты меня покинешь. Думала, вы за билетами на вокзал умчались.

– Нет, мы город ваш осматривали, точнее, просто посидели в ресторане, – успокоила ее Катя.

– И убедились, что тут у вас далеко не Финляндия, – сказала Ида. – В городе-то переполох. Мальчишка какой-то пропал без вести.

– Знаю уже. Думаете, зачем начальника ОВД нашего Поливанова принесло? – Ольга покачала головой. – Ужас, просто ужас. Среди бела дня. Я отца мальчика, Уткина Кирилла, знаю хорошо. Мы когда-то жили по соседству на одной улице. Моложе он меня, я в Москву уезжала

в институт поступать, он еще в школе учился – в той же, между прочим, где учительствует сейчас. И жену я его помню прекрасно. Такая баба шалавистая. Бросила она его, удрала с любовником. А сына ему как кукушка подкинула – на, мол, воспитывай сам, а мне некогда. Ну а теперь вот с сынком такое. Поливанов просил, чтобы мои сотрудники из охраны приняли участие сегодня вечером в поисках. Там народ собирается – с молокозавода, с автобазы, ну и просто волонтеры. Надо помогать. Мы тут помогать друг другу стараемся, иначе не выживешь сейчас. Поливанов спрашивал, может, к нам в детский городок мальчик приходил. Но вроде не было его. – Ольга подвела их к панорамному окну, выходившему на песчаный пляж и на детский городок. – У нас тут много детей порой собирается. Я люблю, когда дети. Когда делали городок, муж мой возражал – шум будет, клиенты будут в претензии. А я настояла. Место тут красивое. Я сама, еще девчонкой, сколько здесь играла на берегу – тут пустырь был, но живописный. Мы в волейбол сражались на песочке, в бадминтон. Или магнитофон врубим и пляшем себе. И что же, теперь мне все забором огородить, как сейчас городят у вас под Москвой, и никого не пускать? Я тогда мужу сказала: в городе нас не поймут. Не такие тут люди живут, не жлобы, не куркули. Да ребяташки не очень-то и шумят, так повизжат, похохочут. Кому от этого плохо? У меня вон самой дочь.

– Мы познакомились уже, – сказала Катя.

– Охрану я предупредила, чтобы смотрели. Но я думаю, что с сыном Уткина все обойдется. – Ольга оглядывала детский городок. – Не может не обойтись. Иначе... не дай бог, конечно... что ему делать-то самому-то? Кирке Уткину? Я как узнала, меня в дрожь всю так и кинуло. Представила я на минуту... нет, не дай бог, конечно... Каково это – потерять ребенка. Вон Дашенька моя... да она для меня все! Все отдам, сама сто раз умереть соглашусь, лишь бы ей хорошо было жить. Сокровище мое ненаглядное. Золотко мое. Екатерина, Катя, а у вас дети есть?

– Нет пока.

– А что же не заводите? А, понимаю, – Ольга улыбнулась грустно. – Пока молодая, интересная, хочется и для себя пожить. Я вот тоже так думала когда-то. А потом в тридцать шесть спохватилась, а уже не получается. А годы идут. Я по врачам. А врачи что? Что они могут, эти врачи? А когда родила, то поняла, что... что до этого я и не жила совсем. Так, небо коптила. Вот она, жизнь настоящая. В сорок родить – это совсем не то, что в двадцать. Совсем это другое, девушки дорогие. Смотришь на себя в зеркало – господи, да разве это я? Куда что делось. Откуда что взялось. А тут то про одного услышишь – в сорок восемь лет дуба дал, то про другую – в пятьдесят два умерла. И не по себе как-то. Мысли разные одолевают – вторая половина жизни как-никак. А тут, знаете, Катя, поехала весной к вам в Москву и шок форменный испытала.

– Почему?

– Я в Москве в институте училась. Зацепиться, увы, в столице не сумела, ловкости не хватило, ну да ладно, я не в обиде. А когда учились, с девчонками из общаги по всем театрам бегали. Покупали самые дешевые билеты, но ходили на все стоящее. Я Театр сатиры просто обожала. Папанов, Миронов, Державин, Ширвиндт-красавец. Какое там «Горе от ума» было! Фантастика. А «Женитьба Фигаро»! У нас, студенток, дух захватывало. В театре – каждый спектакль – яблоку негде упасть, жизнь ключом бьет, и нам по девятнадцать-двадцать лет, представляете? А в этот раз приехала в Москву, где давно уже не была, и купила билет на «Несчастливцева – Счастливец», или как там их с Ширвиндтом и Державиным, стала смотреть и прямо в рев. Удержаться не могу, плачу. Оба седые, старенькие. Это они-то, мои любимые артисты. По ходу действия один падает, так у меня сердце в пятки – как бы не убился, шейку бедра не сломал. И фразы-то какие произносят: «Наши все на Ваганьковском». Это ж надо? Мысли-то уже, значит, о чем? А я-то их какими орлами помню? И какой помню себя и время, время это прекрасное – молодость? И тут же понимаю: все то ушло безвозвратно,

закончилось. Они, кумиры мои, состарились, и я, я тоже стала старой. И дальше буду только старше. И что бы ни делала, как бы ни стремилась омолодиться, все это – фикция, мираж. Только одно и есть средство бесприигрышное. Спасение мое.

– Какое же? – спросила Ида, которая собралась было подняться к себе, но остановилась и внимательно слушала пылкий монолог хозяйки «Валдайских далей».

– Даша, дочка. Мое сокровище. Мосточек мой – туда, в будущее, туда, где все только-только начинается. Расцветает как бутон. Истинная правда, что дети – это продолжение нас. А когда это продолжение обрывается, то... Нет, нет, не может такого быть, бог этого не допустит. Возьмите все – деньги, дом, собственность, бизнес, лишь ребенка оставьте. Потому что без него ничего уже нужно. Совсем, совсем ничего...

На качелях и горках копошились дети, но их голосов не слышно было в холле отеля. От шума спасали стильные евроокна. И столь же стильные двери на фотоэлементах из толстого, почти пуленепробиваемого стекла.

Глава 11

РЕМОНТ В ТЕАТРЕ

В этот вечер, когда в Двуреченске искали пропавшего сына учителя, тот, кто назвался Кате при знакомстве Симоном, отправился в театр.

Драматический театр на Валдайской площади слыл в городских хрониках главным очагом культуры. Но вот уже более полугода этот очаг едва тлел: в театре начали делать по инициативе местных властей капитальный ремонт. И конца-края этому ремонту было не видно.

Симон подъехал к зданию театра около шести вечера. Остановил машину у входа напротив облупленной колоннады. Бригада рабочих как раз заканчивала смену. Работяги собирали инструменты. Однако бригадир Сазонов домой не торопился. Он ждал Симона, которому еще днем позвонил на мобильный. За этот короткий звонок и за вызов Симон заплатил ему вперед. Бригадир Сазонов был не прочь срубить денег. С расспросами тоже не лез особо. Удивлялся, конечно, в глубине души: чего этот приезжий гусь так интересуется городским театром, ремонтом и особенно подвалом, который вот уже сколько лет захламлен, забит до отказа разной рухлядью – сломанной мебелью, старыми декорациями, полусгнившим толем и еще черт знает чем. Подвал рабочие вскрыли еще в начале сентября. Как об этом узнал приезжий гусь, Сазонову было непонятно. Но как-то узнал. Приехал и сразу предложил Сазонову «договориться»: мол, щедро заплачу за то, что вызовете в театр, когда расчистите внизу завалы старья и позволите мне все там осмотреть.

А чего там было смотреть, кромедохлых крыс, пыли и тараканов? Но бригадир решил: не мое это дело отговаривать, нос совать. Надо этому упакованному под завязку типу смотреть, пусть себе смотрит, только пусть сразу усечет, что забесплатно эти «смотрины» не выгорят. За так в Двуреченске только кошки родятся.

– Ребята сейчас уйдут, а мы спустимся с вами, – сказал Сазонов, здороваясь. – Хлам там остался, трех самосвалов не хватит, чтобы всю эту гниль вывезти. Но хоть зайти стало возможно туда, а то ведь как на свалке – битком. А нам срочно с фундаментом что-то надо решать – то ли укреплять сваями, то ли бетоном заливать. Здание-то ничего, крепкое, даром что почти сто лет стоит, а вот грунт здорово просел.

Он протянул Симону оранжевую строительную каску. Тот усмехнулся, повертел ее в руках, однако надел.

Внутри в развороченном ремонтом здании с пробитыми стенами, свисающей ржавой арматурой и грудями строительного мусора даже трудно было себе представить, что когда-то здесь давала спектакли областная драматическая труппа, что сюда приезжал на гастроли «Современник», что тут когда-то работал бешено популярный кружок чтецов и двуреченская «студия поэтов» ютилась здесь в середине шестидесятых в одной из гримерок на втором этаже.

– Айда вниз, – пригласил Сазонов и повел Симона через театральное фойе, через театральный буфет в подсобку. Тут и находилась дверь, ведущая в подвал. Вся подсобка была забита старой источенной жучком поломанной мебелью. Симон увидел колченогие стулья, обшарпанные гримерные столы.

– Это все снизу оттуда поднимали, – пояснил бригадир и распахнул дверь.

Симон почувствовал запах пыли. Они спустились по лестнице и попали в низкое сводчатое помещение, освещенное тусклой лампочкой.

– Ну, глядите, что вам нужно, а я пока покурю, – Сазонов сунул в рот папиросу. Исподтишка он наблюдал за «гусем». Ишь ты какой. Чего-то весь напрягся сразу, стойку сделал, словно легавый. Вон даже испарина на лбу заблестела. Душно, что ли, ему здесь, в подвале?

Симон огляделся по сторонам. Вход действительно был очищен от хлама. Но по стенам, по углам почти до потолка этого самого хлама, скапливавшегося в подвале десятилетиями, еще было предостаточно. Трухлявые доски, изъеденные молью остатки старого театрального занавеса, сваленные в кучу декорации, какой-то грязный реквизит.

Симон подошел к куче пыльного тряпья. Это были театральные костюмы. В стене виднелась дверь.

– А там что? – спросил он.

– Да барахло, что ж еще? Что, будете и там смотреть?

– Обязательно. Откройте, пожалуйста.

Сазонов хмыкнул: ишь ты, пожалуйста. И голос-то какой-то у него сейчас, точно барабан бьет. Бойтся, что ли, чего? А чего тут бояться?

Он наклонился и начал откидывать тряпье прочь. В носу сразу засвербело. Пылища, мать ее! Освободив дверь, он потянул ее на себя. Но она то ли просела, то ли еще что.

– Стамеску пойду найду, так мне не открыть. – Сазонов тихо смачно ругнулся. – Вы тут побудете или тоже подниметесь?

– Я останусь здесь, – ответил Симон.

Бригадир поднялся за стамеской. Назад особо не торопился. Докурил папиросу до конца. «За дверь с него еще причитается», – решил он.

Симон встретил его раздраженно:

– Где вас носит?

Бригадир только пожал плечами. Подумаешь, какие нервные. Это тебе, гусь, не баранку тачки своей крутить. И не баранку катера, который тебе, по слухам, сегодня утром в грузовом вагоне притарбанили. Это труд, вкалывание, арбайтен – вот это что такое.

Он подошел к двери и начал стамеской курочить гнилую притолоку. Однако дверь не поддавалась. Сазонов взмок, скинул спецовку, оставшись в майке-тельняшке.

От притолоки летели щепки – так яростно он орудовал стамеской. Потом рванул дверь на себя и... Ржавая ручка, выскочив из дерева с гвоздями, осталась у него в руках.

– Зараза, мать твою! Что вам там смотреть-то потребовалось? – Он повернулся к Симону. – Там же, кроме мышиного дерьма, ничего...

– Вскройте дверь, я вам еще заплачу, – сказал Симон.

Сазонов поплевал на руки, всадил стамеску в дерево и начал вскрывать, точнее, ломать. Наконец дверь затрещала и подалась. Еще минут пять ушло на то, чтобы расчистить проход. Наконец дверь открылась достаточно, чтобы внутрь можно было протиснуться.

Симон отстранил Сазонова и бочком, бочком стал просачиваться внутрь. Бригадир еще потянул дверь – пошла, пошла, проклятушая, потихоньку. За дверью оказалось еще одно подвальное помещение – затхлое и темное. Свет лампочки сюда не проникал.

– Теперь за фонарем подыматься надо, ах ты... – Уставший бригадир готов был уже послать куда подальше все и всех.

– У меня с собой фонарь, – тихо ответил Симон.

Он достал карманный фонарик. Пятнышко света заскользило по сводчатому потолку, по бетонным стенам. Здесь тоже было полно разной рухляди и тряпок, под ногами валялись старые афиши. Симон поднял одну, развернул, расправил. Когда-то выполненная в ало-черных красках, она выцвела и поблекла. «Цирк на гастролях», – прочел на ней Сазонов. Под словом «Цирк» были изображены какой-то хмырь в индийской чалме и во фраке – то ли фокусник, то ли еще кто-то, и фигуристая девица в «пачке» и с пуделем.

У дальней стены громоздились какие-то ящики. Продолговатые и квадратные, вроде коробок. Сазонов подошел, поднял один – меньший по размеру. Открыл. Какие-то перегородки, пружина и вонь... Черт, что это за смрад от этой дряни?

Симон между тем с тихим возгласом, в котором явно сквозили радость и удивление, осматривал самый большой ящик, по мнению бригадира, здорово смахивающий на гроб. Он был выкрашен черной облупившейся краской с позолотой. На боковой стене этой же самой блеклой от времени позолотой были выведены какие-то буквы. И выбиты инвентарные номера.

– Лет сорок это помещение не вскрывали, а? – спросил Симон, поглаживая ладонью надпись.

– А может, и больше. Они ж сюда просто сваливали все, что в негодность приходило, – хмыкнул Сазонов, вертя в руках воняющую какой-то пакостью коробку. – Это что ж за хреновина?

– Это, кажется, ящик для белых мышей.

– Для чего?

– Реквизит фокусника. – Симон улыбнулся. – Проверенный временем цирковой реквизит. Ящик открывали, зрители видели мышь внутри. Потом ящик закрывали и через секунду открывали снова. Мышки в нем уже не было. В этом и был фокус.

– А куда ж она девалась?

– Там перегородка подвижная. Фокусник нажимал на пружину, и она двигала перегородку, придавливая мышь, размазывая ее по стенке.

– Размазывая? – Сазонов повертел коробку в руках: точно, внутри – перегородка и пружина. И въевшийся в стенки невыдохлощенный временем запах падали.

– Значит, по-вашему, полвека эту комнату не вскрывали, – повторил Симон.

– Может, и больше.

– Эта цирковая афиша сорок восьмого года.

Бригадир присвистнул: ишь ты, раритет.

– Что это за ящики? – спросил он.

– Это тоже цирковой реквизит. Здесь, в здании театра, когда-то цирк выступал. Потом он уехал дальше на гастроли. А часть реквизита с собой не взяли, оставили тут, в подсобных помещениях театра.

– Что-то не припомню я никакого цирка, – усмехнулся Сазонов.

– Вы в каком году родились?

– В шестьдесят втором.

– А эта афиша сорок восьмого. – Симон аккуратно свернул афишу в трубочку. – Слушай, бригадир, я хочу все это отсюда забрать, весь этот цирковой хлам.

– Да я не знаю, это же... это ж театральное имущество вроде как.

– Это просто свалка, – возразил Симон. – Сам же говорил: все брошено, все бесхозное.

– Говорить-то говорил, но уговору у нас с вами не было – забирать. Только осмотреть подвал.

– Уговор будет новый. Я плачу тебе четыреста баксов, ты сегодня находишь грузовик и двух грузчиков. И это все, – Симон кивнул на ящики, – вывозим отсюда ко мне.

– Прямо сейчас?

– Попозже, ночью. Я вернусь сюда с деньгами к одиннадцати. А ты подгонишь самосвал. Если кто будет интересоваться, скажешь – освобождаем подвал, вывозим мусор на свалку. Готовимся к ремонту фундамента.

– Заплатите четыре сотни? За что же так щедро?

– За работу, Сазонов. За арбайтен. Ведь это не то что руль крутить у тачки, так? – Симон посмотрел на бригадира.

И тот под этим взглядом стушевался. Наглый взгляд и вместе с тем пронзительный какой-то, словно принуждающий, наизнанку выворачивающий. И как понять это самое АРБАЙТЕН?!

– Договорились? – усмехнулся Симон.

– Ладно, что ж... цена хорошая... И тут правда лом один, никому не нужный. Но вам-то он зачем?

– Я коллекционирую старые вещи. Не антиквариат, просто ретро-вещи, – ответил Симон. – Может, когда с компаньоном ресторан откроем, для оформления зала пригодятся.

Сазонов глянул на него недоверчиво: ох темнит что-то гусь.

– Ладно. Значит, в одиннадцать здесь? Я машину-то найду. Но шоферу и ребятам, которые грузить, корячиться будут, тоже надо дать.

– С ними я расплачусь отдельно.

Сазонов пожал плечами: ишь ты какой сговорчивый. Прежде чем уйти из подвала, он сам осмотрел ящики. На душе вдруг стало как-то кисло, беспокойно. Эх, не влипнуть бы с этим гусем – что-то больно мягко стелет, дорого платит. Но баксов, падающих с неба на халяву, хотелось, ох как хотелось. И ящики с цирковым реквизитом ничего собой не представляли – обычное старье. На том черном с позолотой по бокам, продолговатом, похожем на гроб, сбоку были инвентарные номера и надпись «Walenty». Что сие слово означало, бригадир не знал, но у него было такое ощущение, что вроде что-то похожее он когда-то слышал. Давно, очень давно – чуть ли не в детстве, когда особенно доверчив был, падок на разные там истории. И готов был верить по простоте в самое невероятное.

Глава 12

ОГНИ

Сумерки налились синевой, окутали город, а потом пришла ночь. В ночи за рекой зажглись огоньки. Катя как раз звонила «Драгоценному» в Москву, когда увидела их из окна.

Мобильный «Драгоценного» долго не отвечал, а потом все же соизволил ответить. Голос «Драгоценного» был отвязный и немного виноватый одновременно.

– Ты где это? – строго спросила Катя, словно это и не она умчалась от семьи на поезде за тридевять земель.

– Да мы тут в одном хорошем месте. Серега Мещерский со мной и еще Павлик с Витюшкой. Помнишь Витюшку?

– Ясно. Вы в пивной бражничаете, – подытожила Катя. Однако не стала обострять и кратко изложила ситуацию с Анфисой.

– Отдохните там. – Теплая компания друзей настроила «Драгоценного» на благодушный лад. – Недельку я вам, девчонки, дарю.

Анфиса чутко слушала переговоры Кати, сидя на кровати.

– Ну? – спросила она.

– Гуляет, – Катя махнула рукой. – Сережа Мещерский там с ним, он вообще-то трезвенник, но мой... он...

– Вырвался соколик на свободу, – хмыкнула Анфиса. – Моментально расслабился. Слушай, а женщин там с ними нет?

Катя отвернулась к окну. И охота Анфиске сейчас этот вопрос будировать? Деликатная Анфиса поняла свой промах. Если у вас неприятности на личном фронте, это не значит, что надо искусственно создавать их другим. Тем более вашим друзьям, примчавшимся вам на помощь.

– Смотри, огни, – сказала она, переключая разговор в иное русло. – Всю ночь, значит, искать будут. Вообще здорово они тут все организовали, правда? Я думала, сейчас пофигизм повсеместный. Всем все до лампы. А тут в городке так все быстро, так слаженно – ну, я про этих, которые сюда вечером приехали.

Вечером, когда немногочисленные постояльцы «Валдайских далей» ужинали в ресторане, к отелю подружили сразу несколько легковых машин. Оказалось, что это разбившиеся на группы волонтеры из числа местных жителей, которые вместе с милицией и военными должны были продолжать поиски пропавшего Миши Уткина. К волонтерам тут же присоединились охранники отеля под предводительством менеджера Хохлова, снарядившегося по-походному. Краткий совет состоялся прямо в холле отеля. На совете звучали и названия мест, куда отправлялся поисковый отряд, – Елманова падь и Брыково болото в Заречье.

У охранников имелись рации, а у волонтеров мобильные телефоны и фонари. Огни их зажглись в темноте на окраине Брыкова болота, которое было видно из окон отеля, – там, вдали на противоположном берегу реки.

– Отец-то его, этот их завуч школы, наверное, какую ночь подряд не спит, все на ногах, – тихо сказала Анфиса.

Отец мальчика Кирилл Уткин участвовал в ночном поиске. Он был в отряде волонтеров. Кате и Анфисе показала его Ольга Борщакова, присутствовавшая на совете в холле отеля. Уткин был высоким темноволосым мужчиной. Он был неряшливо одет, бледен и, как в тот момент показалось Кате, либо вымотан до предела, либо не совсем адекватен от свалившегося на его плечи несчастья.

Волонтеры вместе с Кириллом Уткиным и охранниками отеля отбыли на поиски. А вечер в «Валдайских далях» продолжался. Но вот только аккомпанемент этому вечеру и ужину в ресторане был весьма своеобразный. На рецепции, где место портье заняла молодая сотрудница, работал громко включенный телевизор. В вечерних новостях шел репортаж о происшествии в Санкт-Петербурге: отец убил насильника-педофила, напавшего на его маленького сына. Этот репортаж сменил другой на ту же тему: на Украине в Донбассе милицией и прокуратурой разыскивается маньяк-педофил, убивающий школьников. Передачу волей-неволей слышали все, кто проходили через холл в ресторан.

Катя подумала: одно дело слушать ЭТО как нечто отвлеченное – ужасное, но отвлеченное, далекое. И совсем иное дело слышать про такое, когда на ваших глазах только что целый отряд отправился на поиски... Лицо мальчика с фотографии всплыло в памяти. Улыбка, щербатый детский рот, воротник клетчатой рубашки...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.